

СОДЕРЖАНИЕ**ЮБИЛЕЙНЫЕ ЧТЕНИЯ****К 125-летию со дня рождения Б. Л. Пастернака**

Козорог О. В. Борис Пастернак «Марбург» (1916, 1928): истоки творчества 2

ГОТОВИМСЯ К ЛЕКЦИИ

Фризман Л. Г. Забытая повесть Булгарина 6

ГОТОВИМСЯ К УРОКУ

Фокина В. А. «Счастье – это когда тебя понимают...»: составление диалогов, содержащих обмен мнениями по нейтрализации конфликта (методическая разработка занятия курса по выбору учащихся по русскому языку в 8 классе) 11

Чумак Е. П. Виды анализа художественного текста на уроках литературы (из опыта работы) 17

НАУКА – ШКОЛЕ И ВУЗУ

Вознюк Л. В. Междометие – особая часть речи: лингводидактический аспект 22

Колпакова Е. Специфика русского речевого этикета и местоимение он 24

ПОСЛЕ ЗВОНКА

Андропова И. Н. «Во всем мне хочется дойти до самой сути...» (О жизни и творчестве Бориса Пастернака) ... 27

Кузнецова О. Ю. «Любознательные» (КВН по русскому языку для средних классов) 30

В МИРЕ КНИГ

Сыромля Н. Н. Монография Л. П. Ивановой «Дискурс микросоциума (типичной семьи с типичной фамилией)» (Киев, 2015, 64 с.) 32

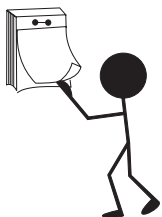
Иванова Л. П. Дискурс семьи в национальном (русском) ментальном пространстве 35

ИТОГИ КОНКУРСОВ, КОНФЕРЕНЦИЙ, ВСТРЕЧ

Тягунова М. М. III Международная научная конференция «Мир языка – мир в языке» (г. Киев, 20 – 30 октября 2015 г.) 39

Иванова Л. П. XVIII Международная научная конференция «Русистика и современность» (г. Рига, 1 – 5 октября 2015 г.) 40

В МИРЕ СЛОВ 5, 10, 26, 38

ЮБИЛЕЙНЫЕ ЧТЕНИЯ

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б.Л.ПАСТЕРНАКА

О. В. КОЗОРОГ,

канд. филол. наук, доцент Харьковского национального педагогического университета им. Сковороды

БОРИС ПАСТЕРНАК «МАРБУРГ» (1916, 1928): ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА

Можно ли передать в творчестве любовную лихорадку? Можно ли описать в стихотворении любовную страсть так, чтобы передать весь вихрь любовных переживаний, словно ты его пережил только что? Понятно, что человек, описавший так свои переживания, будет по своему темпераменту либо холериком, либо сангвиником. В любом случае, экстравертом. И описанная в стихотворении страсть будет пульсировать и отзываться в каждой строчке, в каждом ритме, в каждом слове, в каждом звуке этого стихотворения.

В этом отношении интересно одно из ранних стихотворений Бориса Пастернака. Оно называется «Марбург» (1916, 1928). В этот старый немецкий город, о котором Пастернак услышал от своих давних знакомых – сестер Высоцких еще в России, Пастернак приехал, чтобы получить философское образование.

С первого же взгляда, он влюбился в Марбург. Вот как Пастернак описывает эту первую встречу с городом: «Я стоял, заламывая голову и задыхаясь. Над мной высылся головокружительный откос, на котором тремя ярусами стояли каменные макеты университета, ратуши и восьмисотлетнего замка. С десятого шага я перестал понимать, где нахожусь. Я вспомнил, что связь с остальным миром забыл в вагоне... Если бы это был только город! А то какая-то средневековая сказка!»¹.

Не в меньшем восторге Пастернак был и от самого Марбургского университета, в котором он меч-

тал заниматься философией с всемирно известными профессорами. «Если бы тут были только профессора! А то иногда среди лекции приоткрывается розовое готическое окно, напряжение сотни садов заполняет почерневший зал и оттуда с гор глядит вечная, великая Укоризна. Если бы тут были только профессора! А тут и Бог еще» (с. 160). Занятия философией и готическая архитектура одного из красивейших городов вселяли в Пастернака стремление познать весь мир, став одним из лучших философов современности.

И тут происходит непредвиденное. В Марбург приезжают его давние знакомые – сестры Высоцкие – Ида и Елена. В старшую, Иду, Пастернак был вот уже пять лет, как влюблен. В одном из неотправленных писем к Иде, юный Пастернак писал: «Моя родная Ида! Ведь ничего не изменилось от того, что я не трогал твоего имени в течение месяца? Ты знаешь, ты владеешь стольким во мне, что даже когда мне нужно было сообщить что-то важное некоторым близким людям, я не мог этого только потому, что ты во мне как-то странно требовала этого для себя...» (с. 167).

Новая встреча воскресила былые чувства. Пастернак решает объясниться и просить руки Иды. То, как разворачивались события, известно из его стихотворения «Марбург». Интересно, что описанные события, происходили в июне 1912 года. Первая редакция «Марбурга» написана только в 1916 году. Вся любовная дрожь, страсть, безумства переданы

так, словно они только-только случились, читая стихотворение, кажется, что все произошло только-только.

Я вздрагивал. Я загорался и гас.
Я трясся. Я сделал сейчас предложенье, –
Но поздно, я сдрейфил, и вот мне – отказ.
Как жаль ее слез! Я святого блаженной.

Я вышел на площадь. Я мог быть сочтен
Вторично родившимся. Каждая малость
Жила и, не ставя меня ни во что,
В прощальном значеньи своем подымалась.

Плитняк раскалялся, и улицы лоб
Был смугл, и на небо глядел исподлобья
Булыжник, и ветер, как лодочник, греб
По лицам. И все это были подобья.

А что же последовало за отказом? Нет, не стихотворение. Для того, чтобы дать такому стихотворению состояться, нужно время, нужен взгляд издали и успокоенность, нужна беспристрастность, некая отстраненность, которая может быть только тогда, когда чувство уже немного остыло. На следующий день был отъезд сестер Высоцких, проводы их на вокзал, отчаянный прыжок на подножку поезда на следующее утро, бесцельная поездка в Берлин и одинокое возвращение в Марбург. Все эти события найдут отражение в прозе Пастернака.

Вот как «Охранной грамоте» (1930) он опишет поворотный пункт своей биографии: «Утром, войдя в гостиницу, я столкнулся с младшей из сестер в коридоре. Взглянув на меня и что-то сообразив, она, не здороваясь, отступила назад и заперлась у себя в номере. Я прошел к старшей и, страшно волнуясь, сказал, что дальше так продолжаться не может, и я прошу ее решить мою судьбу. Нового в этом, кроме одной настоятельности, ничего не было. Она поднялась со стула, пятась назад перед явностью моего волнения, которое как бы наступало на нее. Вдруг у стены она вспомнила, что есть на свете способ прекратить все это разом, и – отказала мне. Вскоре в коридоре поднялся шум. Это поволокли сундук из соседнего номера. Затем постучались к нам. Я быстро привел себя в порядок. Пора была отправляться на вокзал. До него было пять минут ходу.

Так умение прощаться совсем оставило меня. Лишь только я понял, что простился с одной младшей, со старшей же еще и не начинал, у перрона вырос плавно движущийся курьерский из Франкфурта. Почти в том же движенье, быстро приняв пассажиров, он быстро взял с места. Я побежал вдоль поезда и у конца перрона, разбежавшись, вскочил на вагонную ступеньку. Тяжелая дверца не была захлопнута. Разъяренный кондуктор преградил мне дорогу, в то же время держа меня за плечо, чтобы я, чего доброго, не вздумал жертвовать жизнью, устыдившись его резонов. Изнутри на площадку выбежали мои путешественницы. Кондуктору стали совать кредитки мне в избавленье и на покупку билета. Он смиловившись, я прошел за сестрами в вагон. Мы мчались в Берлин. Сказочный праздник, едва не прервавшийся, продолжался, удесятеренный бешенством движенья и блаженной головной болью от всего только что испытанного.

Я вспрыгнул на ходу только для того, чтобы проститься, и снова забыл обо всем, и опять вспомнил, когда было уже поздно. Не успел я опомниться, как прошел день, настал вечер и, прижав нас к земле, на нас надвинулся гулко дышащий навес берлинского дебаркадера. Сестер должны были встретить. Было нежелательно, чтобы при моих расстроенных чувствах их увидели вместе со мною. Меня убедили, что прощанье наше состоялось, и только я его не заметил. Я потонул в толпе, сжатой газообразными гулами вокзала.

Была ночь, моросил скверный дождик. До Берлина мне не было никакого дела. Ближайший поезд в нужном мне направлении отходил поутру. Я свободно мог бы дожидаться его на вокзале. Но мне невозможно было оставаться на людях. Лицо мое подергивало судорога, к глазам поминутно подступали слезы. Моя жажда последнего, до конца опустошающего прощанья осталась неутоленной. Она была подобна потребности в большой каденции, расширяющей больную музыку до корня, с тем, чтобы вдруг удалить ее всю одним рывком последнего аккорда. Но в этом облегченье мне было отказано.

Была ночь, моросил скверный дождик. На при вокзальном асфальте было так же дымно, как на де-

баркадере, где мячом в веревочной сетке пучилось в железе стекло шатра. Перецокивание улиц походило на углекислые взрывы. Все было затянуто тихим брожением дождя. По непредвиденности оказии я был в чем вышел из дому, то есть без пальто, без вещей, без документов. Из номеров меня выпроваживали с одного взгляда, вежливо отговариваясь их переполненностью. Нашлось, наконец, место, где легкость моего хода не составила препятствий. Это были номера последнего разбора. Оставшись один в комнате, я сел боком на стул, стоявший у окна. Рядом был столик. Я уронил на него голову.

Зачем я так подробно обозначаю свою позу? Потому, что я пробыл в ней всю ночь. Изредка, точно от чьего-то прикосновенья, я подымал голову и что-то делал со стеной, широко уходившей вкось от меня под темный потолок. Я, как саженью, промерял ее снизу своей неглядящей пристальностью. Тогда рыданья возобновлялись. Я вновь падал лицом на руки.

Я обозначил положение моего тела с такой точностью, потому что это было его утреннее положение на ступеньке летевшего поезда, и оно ему запомнилось: это была поза человека, отвалившегося от чего-то высокого, что долго держало его и несло, а потом упустило и, с шумом пронесясь над его головой, скрылось навеки за поворотом.

Наконец я стал на ноги. Я оглядел комнату и распахнул окно. Ночь прошла, дождь повис туманной пылью. Нельзя было сказать, идет ли он или уже перестал. За номер было заплачено вперед. В вестибюле не было ни души. Я ушел, никому не сказавшись» (с. 168 – 169).

С этой минуты жизненные планы Пастернака, приехавшего в Марбург, чтобы изучать философию, круто изменились. Он стал поэтом. «Тот удар – исток всего», – скажет он и в стихотворении «Зимняя ночь» (1913, 1928), посвященном Иде Высоцкой. Объяснение с Идой стало поворотным пунктом в биографии Пастернака. Некоторое время он еще по инерции продолжал заниматься философией, писал рефераты, выступать с докладами. Но вскоре, он перестал посещать университет, стал гулять по лесу, слушать органную музыку. «Ценность города

была в его философской школе, но я в ней больше не нуждался» (с. 172), – писал Пастернак позже. У него объявилась другая: красота Марбурга, как живого воплощения многовековой истории, его природы и готика. У него появилось ощущение сопричастности к чему-то большому и безмерному, что называется поэзия. «Существует психология творчества, проблемы поэтики. Между тем изо всего искусства именно его происхождение переживается всего непосредственнее, и о нем не приходится строить догадок. Мы перестаем узнавать действительность. Она предстает в какой-то новой категории. Категория эта кажется нам ее собственным, а не нашим, состоянием. Помимо этого состоянья все на свете названо. Не названо и ново только оно. Мы пробуем его назвать. Получается искусство. Самое ясное, запоминающееся и важное в искусстве есть его возникновенье, и лучшие произведения мира, повествуя о наиразличнейшем, на самом деле рассказывают о своем рождении. Впервые во всем объеме я это понял в описываемое время» (с. 172 – 173). Безответная любовь, внеся в жизнь Пастернака смуту и разочарование, разбудила в нем поэта. Ему открылась стихия поэзии.

А что в творчестве? Сохранилась ли любовная риторика «Марбурга», в более поздних его стихотворениях? Или на смену резкости и порывистости пришла умиротворенность? Откроем наугад стихотворения, посвященные Ивинской. «Осень» (1949). Читаем. Вся история любви с Ивинской как на ладони. Нужно только внимательно присмотреться.

Я дал разъехаться домашним,
Все близкие давно в разброде,
И одиночеством всегдашним
Полно всё в сердце и природе.

И вот я здесь с тобой в сторожке.
В лесу безлюдно и пустынно.
Как в песне, стежки и дорожки
Позаросли наполовину.

Переделкино. Лес. Осень. Одиночество, предвосхищающее встречу с любимой: «И одиночеством всегдашним // Полно всё в сердце и природе». Домашние – уехали. Они остались одни в доме. Зна-

менистый халат «с шелковой кистью» Ивинской умудрился попасть в стихотворение:

Ты так же сбрасываешь платье,
Как роща сбрасывает листья,
Когда ты падаешь в объятье
В халате с шелковой кистью.

Ритм стихотворения – размеренный, спокойный. Никаких любовных амплитуд и феерических порывов, любовной чехарды и сумбурных переживаний. Все размеренно, четко. Все обустроено так, словно всю жизнь так и было. Уверенность во встрече, и в том, что последует за нею:

Мы сядем в час и встанем в третьем,
Я с книгою, ты с вышиваньем,
И на рассвете не заметим,
Как целоваться перестанем.

Нет контрастного душа: горячо – холодно – горячо, нет сопоставлений своего внутреннего состояния с состоянием святого («Я святого блаженной» – «Марбург»). Любовная эксцентрика и непредсказуемость уступила место умиротворенности и предсказуемости. Стих наполнился философской глубиной, уступив место порывистости и неопределенности. Тоже в стихотворении «Единственные дни» (1959), написанном через десять лет после «Осени» и через сорок лет после «Марбурга». Финальные строки этого стихотворения – прямо-таки пятая симфония Чайковского: торжественность, уверенность, гармония.

И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.

Что с Пастернаком? Изменилась его представление о любви? Поменялся темперамент? Вряд ли. Просто эти стихотворения написаны в разных состояниях. «Марбург» – любовь под вопросом, любовь неразделенная, отвергаемая. «Осень» – любовь спокойная: Пастернак любит и любим. «Единственные дни» – продолжение этой любви. Отсюда и гармония.

А что с темпераментом? Он остался. И снова порывистость и непредсказуемость во всем, что ему неизмеримо дорого. Только теперь этим, самым дорогим, стало творчество. Любовь из главного – сказуемого (подсчитайте количество предикатов в «Марбурге») превратилась в дополнение. А все, что касается творчества, всегда непредсказуемо.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пастернак Б. Л. Охранная грамота // Борис Леонидович Пастернак. Избранное в двух томах. Т. 2. Проза. Стихотворения. М., Художественная литература, 1985. С. 158. Далее цитируем по этому изданию с указанием страниц в скобках.

В МИРЕ СЛОВ

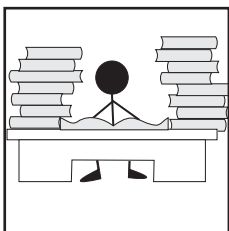
Конкурентоспособность сосуществующих формальных вариантов различных типов в литературном языке¹

Морфолого-фонематические варианты

Про́сека (ж. р.) – *про́сек* (м. р.)

До настоящего времени остается неясным, какой из представленных родовых вариантов является в большей степени нормативным. Рекомендации лексикографических источников достаточно противоречивы, а процесс кодификации варианта *про́сека* ещё не завершён. Если рекомендации «Русского литературного произношения и ударения» 1959 года однозначны, а именно: *просека*, –и, ж. р., – то словарь С. И. Ожегова издания 1972 года даёт уже два варианта: *просека* и *просек*. В МАС-1 данные варианты, различающиеся родовой флексией, представлены как равноправные лексемы, а в дефиниции л. е. *просек*, –а, м. указано: «То же, что и п р о с е к а (очищенная от деревьев полоса в лесу, служащая границей участка, дорогой)» (т. 3, с. 699). Так же репрезентирована данная лексема в МАС-2 и в книге К. С. Горбачевича «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка». Л., 1974 (ТСИВНРЛЯ) (с. 363). Новейшие лексикографические источники статус нормативности присваивают варианту женского рода –

Продолжение на стр. 10

ГОТОВИМСЯ К ЛЕКЦИИ

Л. Г. ФРИЗМАН,

д-р филол. наук, профессор (г. Харьков)

ЗАБЫТАЯ ПОВЕСТЬ БУЛГАРИНА

Трудно указать русского литератора, характеристика которого была бы столь одиозной, как у Ф. В. Булгарина, который остался в литературной памяти «не как реальный литературный деятель, а как символ моральной нечистоплотности, готовности торговать своими убеждениями и сотрудничать с полицейскими органами ради материальных выгод»ⁱ. Нельзя сказать, что эта характеристика не имеет под собой оснований, но она заключает в себе ту полуправду, которая ничем не лучше неправды.

Столь же искаженным выглядит сложившееся представление об отношении Булгарина к евреям и их образах в его произведениях. Можно даже встретиться с утверждениями, что именно Булгарин, опираясь на польскую юдофобскую традицию, заложил те стереотипы подхода к евреям и изображения еврейских характеров, которые затем получили распространение в русской литературе. М. Вайскопф, автор весьма ценного исследования «Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма»ⁱ, неоднократно и раздраженно называющий Булгарина юдофобом, вместе с тем приводит обширный материал, подтверждающий, что на самом деле все не так просто.

В «Воспоминаниях», запечатлевших его детские годы, Булгарин вспоминает, как во время восстания Костюшко еврей Иосель спас его семью от какой-то банды: рискуя жизнью, привел полсотни русских солдат. «Сестры мои от радости стали обнимать и целовать Иоселя, у матушки слезы полились градом». Подробный рассказ об этом эпизоде Булгарин в конце книги завершает так: «Спросят: есть ли честные жида? Без сомнения, есть. Как не быть! В

земле, на которой построен Петербург, не рождаются алмазы и золото, однако ж и золото и алмазы находят иногда на улицах, у подъездов, возле театров и дворянских собраний. И я нашел алмаз: жида Иоселя, о котором говорил в первой части моих Воспоминаний»ⁱⁱ.

Основной материал, на котором базируется представление о Булгарине как о законченном и безнадёжном антисемите содержит наиболее известное его произведение как беллетриста – роман «Иван Выжигин». Сосредоточен он, главным образом в седьмой и восьмой главах, но мельком встречается и в других. Одним из первых мы встречаемся с Иоселем, «арендатором мельниц и корчем во всем имении», который, «как истинный вампир, сосал кровь усыпленного человечества», «богател и, подобно болоту, принимая в себя всю живительную влагу, иссушал окружающие источники богатства и породил повсюду нищету и бесплодие»ⁱ.

В следующей главе перед читателем предстают Мовша, который «почитался одним из богатейших жителей города» и «жена его, Рифка, толстая женщина, низкого роста, вся осыпанная жемчугом и коростю». Романист подробно знакомит читателей с технологией мошенничества, с помощью которого эта чета обирает простодушных христиан и сколачивает свой капитал.

Чтобы закрепить в воображении читателя отвращение к мошенничеству и лицемерию евреев, Булгарин многократно прибегает к использованию курсива, выделяя им прежде всего слова, окрашенные его негодующей иронией: «Читатель вскоре увидит, что значит жидовская *бескорыстная любовь* к род-

ственникам и *благотворительность без прибыли*»^v.

Другим излюбленным приемом, который романист использует часто и охотно, являются намеренные ошибки в написании слов, которые призваны передать особенности еврейской речи и усилить отвращение, которое вызывают ее носители у русского читателя: «я для тебя полозу в коробку кусок копченого гуся», «наси зиды», «денег такая куца, цто он, верно, и сосчитать не умеет», «Он хочет теперь слыть цестным, по обычаю всех назившихся взятоцников» и т. п.

Трудно сказать, были ли эти «художественные приемы» вызваны антисемитизмом Булгарина или он, потакая распространенным в то время настроениям, стремился таким образом поднять популярность своего романа. Но когда спустя почти полтора десятилетия, они подверглись критике со стороны видного переводчика и пропагандиста русской литературы на Западе, выходца из Одессы и еврея по национальности Вильгельма Вольфсона, Булгарина это очень задело, и он разразился на страницах «Северной пчелы» следующим раздраженным пассажем: «Г. Вольфсон крайне ошибся, если думал, что автор “Ивана Выжигина” изобразил резкими красками плутовство Мовши, Рифки, Хацкеля и Иоселя единственно из ненависти к племени. Автор “Ивана Выжигина” идет наравне с веком, и не имеет никаких предрассудков насчет племен, и различает людей только по сердцу, уму и поведению. <...> Автор “Ивана Выжигина” почел бы себя недостойным имени Европейца XIX века, если б любил или ненавидел людей по породе!...»^v. Примерно тогда же, в 1840-х гг., Булгарин выражал недовольство тем, что цензура препятствует изображению положительных еврейских персонажей: «Повесть, в которой жид представлен добродетельным человеком (хотя в той же повести ни один христианин не представлен злым), почтена безнравственной, потому что жида не могут и не должны быть добродетельными»^{vi}.

Но самым важным фактом, способном корректировать укоренившееся представление об антисемитизме Булгарина, является создание им в 1828 г. повести «Эстерка». Она не была замечена тогдашней

критикой, не привлекала к себе внимания современных литературоведов, что и неудивительно, если вспомнить, что еврейская тема при советской власти вообще была не в чести. Но забытая у нас, она не забыта в Израиле: уже упоминавшийся М. Вайскопф не так давно перепечатал ее в редактируемом им журнале «Солнечное сплетение». Полагаем, что пришло время сделать это произведение предметом специального анализа.

При написании своей повести Булгарин, поляк по происхождению, пользовался польскими источниками, о чем он сообщил в своих примечаниях к ней: «Казимир Великий в самом деле был влюблен в жидовку Эстерку и имел с нею сыновей Пелку и Немира и двух дочерей. Он покровительствовал жидов и даровал им многие привилегии. О сем. см. Длугоша, Нарушевича *Hist. Narodu Pols.*, T. VII; Чацкого *Rozprawa o ydach*. В сем последнем сочинении упоминается о том, что недовольные называли Казимира Артаксерксом за его любовь к жидовке». Это упоминание находит свое непосредственное отражение в повести: «Недаром назвали нашего короля Артаксерксом, – возразил Скура. – Казимир приглашает жидов отвсюду в Польшу, защищает их привилегиями и, для большего сходства с царем ассирийским, имеет также свою Эстерку и своего Мардохея»^{vi}.

Поскольку главный из использованных источников, несомненно, труд хрониста XV века Длугоша, обратимся к тем сведениям, которые почерпнул оттуда русский беллетрист. Уже в юном Казимире хронист усматривает черты будущего великого государя, видит в нем юношу «с такими способностями, что уже тогда было понятно, что его Королевство будет более богатым, чем то, которое он унаследует после отца». Подводя общий итог его правления, Длугош описывает общую скорбь после его кончины, усиливаемую отсутствием у него сына: «Среди всех польских князей и королей, которые когда-либо были в последнее время в Польском Королевстве, польский король Казимир справедливо заслуживал истинную скорбь поляков, тем более, что он не оставил никакого законного мужского наследника».

Не умалчивает он, впрочем, и о том, что Казимиру был присущ порок сладострастия, в котором король превзошел всякую меру и который затмил достоинства его пребывания на польском троне: «Он бросил тень на великолепие своего правления и быстро погрузил свои широко известные благие начинания в полное забвение». Очевидно, Длугош имеет в виду, в частности, привилегии, которые Казимир на второй год своего правления предоставил евреям. Объяснение этого поступка короля хронист находит в легендарных сведениях о романе Казимира с еврейской девушкой Эстер, вполне соответствующих нарисованному им портрету развратника на троне, однако не подтверждаемых известными современными источниками. Таким образом, именно Длугошу принадлежит первое письменное упоминание об этой любовной связи короля: «Казимир взял себе в наложницы женщину еврейского происхождения Эстерку по причине ее необычайно красоты. У него даже было от нее двое сыновей – Немежа и Пелка: По просьбе этой наложницы Эстер он в королевском документе предоставил всем живущим в Королевстве Польском евреям чрезвычайные привилегии и свободы (высказывались подозрения, что документ этот был сфальсифицирован некими людьми), глубоко оскорбляющие величие Господа. Их мерзкое зловоние ощущается и по сей день. <...> Также отвратительно и достойно осуждения то, что дочерям, рожденным от этой еврейки Эстер, король позволил воспитываться в еврейской религии». Впервые приведя эти сведения, Длугош положил начало длительной традиции воспроизведения этой легенды и ее художественного воплощения¹.

Современные историки скептически относятся к легенде, рисующей Казимира как короля, благосклонно относившегося к евреям и объясняющей эту благосклонность его любовью к еврейке Эстерке. В действительности отношение короля определялось тем, что евреи являлись важнейшим фактором экономического прогресса в отсталой феодальной Польше. Они сыграли крупную роль в развитии польских городов, где в ту пору наряду с евреями обосновались также немцы, шотландцы и представители других народов, способствовавшие

включению Польши в орбиту международной торговли. Романтический эпизод с Эстеркой, считают они, составляет смесь правды и вымысла, в которой трудно разобраться.

Нам, однако, важна сейчас не историческая истина, а восприятие этого эпизода Булгариным и его пересоздание в написанной им повести. Отношения Казимира с Эстеркой предстают не только описанными автором, но увиденными с разных сторон и оцененными с разных позиций. В первой главе «Гайдамаки» представлен взгляд «низов», простонародная точка зрения. К одному из них – «юному воину» по имени Решко надо особо присмотреться ввиду той роли, которую ему доведется сыграть в дальнейшем развитии событий.

Один из гайдамаков Сендивой жалуется, что ушли в прошлое времена, когда князья и паны резались и дрались между собой, и было житье привольное всем бесприютным головушкам: жили в чужих селах, как в своих поместьях, вешали жидов для забавы, спокойно занимались своим промыслом. Казимир положил этому конец, он хочет, чтобы мы служили ему саблей, а питали себя плугом.

Ему напоминают, что Казимир объявил себя покровителем землевладельцев и даже был прозван «королем холопов». Решительное одобрение действий Казимира мы слышим из уст Решко: «Пусть сокрушится сабля в руке моей, если я подниму ее на беззащитного! Скорее соглашусь умереть с голоду, нежели отнять последнюю овцу у бедной вдовы и сироты. Благословляю Казимира!» (с. 325). У большинства собравшихся он понимания не находит. Они признают, что «он дерется, как лев, и режет вельможных панов, как голубей», но суждения его незрелые. «Дитя – и только. Он даже защищает жидов» и «в этом он также подражает королю Казимиру», которого, дескать не даром называли артаксерксом: «Казимир приглашает жидов отовсюду в Польшу, защищает их привилегиями и для большего сходства с Царем ассирийским, имеет свою Эстерку и своего Мардохея (с. 326).

Далее мы узнаем, что король «до такой степени влюблен в Эстерку, что не может прожить дня, не выдав ее, и даже в дороге носит всегда портрет ее

на шее». Гайдамак, которому довелось ее видеть, не сдерживает своего восторга: «Нечего сказать, красавица! Волосы черные, как смоль, брови дугою, ресницы как у черной куницы, носик как у голубки, уста как малина, а зубки краше всякого жемчуга. Не говорю о глазках: там сидит сам черт! Как взглянет – так человек и растает! Что за рост, что за поступь! Признаюсь, лакомый кусочек!» (с. 326). Другой, который «всю жизнь только брал да брал с живого и мертвого, а ей подарил ожерелье во сто злотых» (с. 327). Мнения высказываются разные, одни за то, чтобы губить жидов, как мух, другие – что имея жидовку любовницей, можно пощадить и ее племя.

Автор ведет нас в покои Казимира и погружает в, казалось бы, безмятежную атмосферу. Он смотрит в лицо любимой женщины «с таким восторгом, как бы в первое свидание». Но обстановка только кажется спокойной. Над счастливой любовью со всех сторон сгущаются тучи. Папский легат укоряет его: «Любовь твоя к жидовке Эстерке оскорбительна для твоего сана, наполняет сердце Папы горестью, и возвышает гордыню врагов твоих <...> Расторгни постыдную связь: вручи детей твоих попечением святого отца, да на лоне церкви они загладят проступок отца. В Риме Эстерка будет иметь надежное убежище...» (с. 330).

Эти уговоры повергают Казимира в гнев и, лишь умирив его, король сравнительно спокойно объясняет: «В сердце моем, полном любви к человечеству, оставалось пустое место для моего собственного счастья: Эстерка заняла его. Любовь к ней выше сил моих: никакая земная власть не истребит ее» (с. 331).

Он получает письмо, в котором его предупреждают о заговоре злоумышленников, которые намерены похитить Эстерку и отослать ее с детьми в Рим. Чтобы отвратить эту угрозу, он отправляет Эстерку в замок Чорстин на венгерской границе, где она могла бы «переждать бурю». Он уверяет ее, что и сам придет туда и ему удастся ее успокоить. Но никто не подозревает, что главная опасность подстерегает их с другой стороны и исходит не от христиан, а от евреев.

Собирается «ужасное еврейское судилище – сан-

хедрин». Его участники наперебой обвиняют Эстерку в нарушении еврейских законов и обычаев, словно стараясь превзойти друг друга в кровожадности. И вот приговор произнесен:

– Закон велит, – сказал раввин, – преступнице объявить проклятие, и если она не исправится, казнить ее смертью, но как Эстерка не признает суда и не может возратить сыновей на лоно Израиля, то я предлагаю без отлагательств казнить ее смертью.

– Казнить! Казнить! Десять, сто, тысячу раз казнить! – закричали со всех сторон (с. 340).

И вот когда Эстерка наслаждалась приятным летним днем в замке Чорстин и пошла в ближнюю рощу, где любила размышлять в уединении, четыре человека бросились на нее из кустов и повлекли в чащу леса. Приезжает Казимир, и его ждет страшная весть:

– Государь, несчастье!.. Эстерку похитили из замка!

– Кто? Как? – вскричал король в ужасе, как громом пораженный сей вестью.

– Она вышла в рощу не более часа назад, и вдруг служанка ее прибежала в замок и со слезами объявила, что жида потащили ее насильно в лес <...>

Жида! – воскликнул король, – пришпорил лошадь и помчался к замку <...> Король прискакал к крыльцу – и внезапная радость заступила место ужаса и горести: Эстерка выбежала к нему навстречу с детьми. Казимир соскочил с коня, и в первую минуту радости забыл все окружающее его. Он прижал ее к сердцу, поцеловал детей и, наконец, сказал:

Эстерка, что с тобою случилось? Я едва не умер от ужаса!

Вот мой избавитель, – сказала Эстерка, указывая на воина, который в безмолвии стоял на нижних ступенях крыльца...» (с. 350 – 351).

Здесь читателя ждет главная неожиданность повествования. Избавителем Эстерки оказывается Решко, с которым мы познакомились в первой главе и который уже тогда выделялся среди гайдамаков необычностью своих суждений и заслужил упрек одного из них в том, что «он даже защищает жидов». Он, украинец, овеванный явным сочув-

ствием автора, оказывается, таким образом, противопоставлен обеим злым силам: и христианам, которые требовали от Казимира расстаться с любимой женщиной, и изуверскому санхедрину, приговорившему ее к смерти за отступление от еврейских законов.

Но Булгарину и этого недостаточно: он жаждет возвеличить своего героя и тем, что чувства верноподданного оказываются для него превыше любых личных побуждений. Выясняется, что Решко сам был влюблен в Эстерку и намеревался ее похитить, но когда он «высмотрел пору к приведению в действие» своего намерения и вместе с шестью другими его участниками приближался к стенам замка, он увидел «четыре евреев, которые влекут Эстерку в кусты. Два злодея убиты мною на месте, два другие взяты моими людьми, и я доставил их связанных в замок. Эстерка была в моих руках, я достиг цели моих желаний, но совесть и любовь к моему королю

пробудилась во мне и победила преступную страсть!» (с. 351).

Справедливость торжествует, санхедрин в Польше подлежит уничтожению, Эстерка смиренным и благотворительностью сумела снискать всеобщую любовь, благодарное потомство простило Казимиру его любовь к прекрасной жидовке, и она не помрачает славы мудрого законодателя и благодетеля своих подданных.

К Булгарину предъявлялось много претензий, в том числе и вполне заслуженных. Но даже его противники, в числе которых был и Белинский, не отрицали значения вклада, внесенного им в литературу, и достоинств его произведений, пользовавшихся «необыкновенным успехом». «Эстерка» такого успеха не сыскала, но сильные стороны Булгарина-беллетриста сказались в ней с полной очевидностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

^x Рейтблат А.И. Булгарин // Русские писатели. XIX век / Библиографический словарь, т. 1, М.: Просвещение, 1996, с. 99.

ⁱ Вайскопф М. Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма. Москва-Иерусалим, 2008.

¹ Булгарин Фаддей. Воспоминания. М., 2001, с. 22, 728.

ⁱⁱ Булгарин Фаддей. Сочинения. М.: Современник, 1990, с. 41.

ⁱⁱⁱ Там же, с. 68.

^v Северная пчела, 1843, № 80.

^v Булгарин Ф. О цензуре в России и книгопечатании вообще

// Цит. по: Вайскопф М. Упом. соч., с.131

^{vi} Булгарин Ф.В. Мазепа. Повести. М.: Фирма «Кронос», 1994, с. 325-326. Далее ссылки на это издание даются указанием страницы в тексте.

^{vii} Хроника Длугоша анализировалась в статье видной польски Виктории Мочаловой «Казимир III в оценке Яна Длугоша», с которой я имел возможность ознакомиться благодаря любезности автора. Насколько я знаю, полностью она не опубликована, а имеются лишь тезисы с тем же названием. См.: Раннее средневековье глазами позднего средневековья и раннего Нового времени: Материалы конф. М.: Индрик, 2006. С.56.(Славяне и их соседи. XXIII конф. М., 2006).

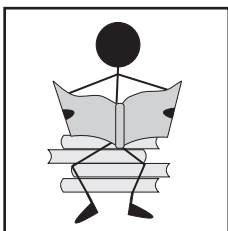

В МИРЕ СЛОВ

просека. В «Орфоэпическом словаре русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы» под. ред. Р. И. Аванесова, 1989 (ОСРЯ) (с. 454) и в «Кратком словаре трудностей русского языка: грамматические формы: ударение» Н. А. Еськовой, 2005 (КСТРЯГФУ) (с. 368) вариант мужского рода *просек* имеет помету *допустимо*, а в «Словаре правильности русской речи» Н. В. Соловьева, 2006 (СПРРС) помету *областное*. В «Новом орфоэпическом словаре русского языка: Произношение. Ударение. Грамматические формы» Т. Ф. Ивановой (НОСРЯ) представлен только один вариант – *просека*. Предпочтение одного варианта другому объясняется следующим: в настоящее время слово *просек* приобрело значение «горизонтальная выработка для проветривания шахты или соединения выработок в толще полезного ископаемого» и является специальным термином с указанием *горное* («Большой толковый словарь русского языка» под гл. ред. С. А. Кузнецова, 1998 (БТС), с. 1024). Поэтому вполне целесообразным является родовая дифференциация данных КВС, так как она служит детерминантом дифференциации семантической.

Тем не менее оба родовых варианта в первом, основном значении также функционируют в современном языке параллельно. В перспективе можно прогнозировать победу варианта *просека* (*ж. р.*) по ряду причин. Во-первых, именно этот вариант традиционно

Продолжение на стр. 26

ГОТОВИМСЯ К УРОКУ

В. А. ФОКИНА,

*учитель – методист общеобразовательной школы № 15
г. Черкассы*

«СЧАСТЬЕ – ЭТО КОГДА ТЕБЯ ПОНИМАЮТ...»: СОСТАВЛЕНИЕ ДИАЛОГОВ, СОДЕРЖАЩИХ ОБМЕН МНЕНИЯМИ ПО НЕЙТРАЛИЗАЦИИ КОНФЛИКТА (МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА ЗАНЯТИЯ КУРСА ПО ВЫБОРУ УЧАЩИХСЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В 8 КЛАССЕ)

Данная разработка урока развития речи по русскому языку в 8 классе составлена в рамках программы для общеобразовательных школ с украинским языком обучения, утверждённой Министерством образования и науки Украины (автор программы – Т. Я. Фролова, доцент кафедры истории и методики филологического образования Крымского республиканского института последипломного педагогического образования). Программа предназначена для тех учащихся, которые, наряду с изучением предмета как обязательного 2 часа в неделю, выбрали его ещё дополнительно (как курс по выбору) 1 час в неделю.

Программа даёт возможность формировать у учащихся умения и навыки свободного коммуникативного общения, а также целесообразного использования средств языка во всех видах речевой деятельности. Одной из задач для учителя при этом становится необходимость научить учащихся оценивать употребление языковых средств с точки зрения нормативности, как в устной, так и в письменной форме, а также с позиции соответствия ситуации и сфере общения (в том числе диалогической речи). Не секрет для учителя, что учащиеся испытывают определенные трудности при построении развёрнутого диалога (логика, композиция, содержание, языковые средства). Поэтому учитель должен так построить урок по составлению диалогов, чтобы учащиеся в полной мере представляли себе,

что входит в построение диалога, как его составлять, какими языковыми средствами надлежит пользоваться, а уж тем более в необычном для них, подростков, диалоге, содержащем обмен мнениями по нейтрализации конфликта.

Данная разработка призвана помочь учителю раскрыть учащимся «секрет» построения такого диалога и вовлечь их в активную исследовательскую работу над таким диалогом.

Автор разработки считает: чтобы облегчить учащимся процесс такой исследовательской работы, необходимо вначале проактуализировать их знания о понятии «диалог», затем связать его с темой урока, с выбранным эпиграфом, проанализировать отдельные образцы диалогов разного типа, после этого познакомить учащихся со строением текста-диалога, в котором дан образец того, как надо выходить из конфликтной ситуации. Следующим этапом может быть работа по стилистике, подбору речевых формул, дающих возможность выйти из конфликтной ситуации (в коллективной работе с учащимися), как нейтрализующих конфликт, так и тех, которые, наоборот, могут его разжечь. В заключение – самостоятельная групповая работа учащихся по составлению диалогов конфликтного характера (разжигание конфликта и гашение конфликта).

В ходе данного урока проводятся дискуссия и тестирование учащихся по поводу самого сложного,

переходного возраста; для них содержание урока в воспитательном плане очень важно, поскольку оно помогает им осознать себя как личность, с которой надо считаться. В качестве подспорья использован учебник А. Н. Рудякова и Г. М. Фроловой «Русский язык» для 8 класса.

Содержание урока:

1. Вступительное слово учителя о важности проблемы свободы человека, уникальности его существования, бытия. Осмысление позиции известного писателя Валентина Распутина:

«Никто не знает правду о человеке, зачем он живёт? Ради жизни самой, ради детей, чтобы и дети оставили детей, и дети детей оставили детей, или ради чего-то ещё? Вечным ли будет это движение? Что должен чувствовать человек, ради которого жили многие поколения? Ничего он не чувствует. Ничего не понимает. И ведёт он себя так, будто с него первого и началась жизнь и им навсегда она закончится...».

2. Проблемный вопрос классу: «Так для чего же жить?» (дискуссия с учащимися).

Примерные ответы учащихся:

- Жить для того, чтобы продолжалась жизнь и не прерывалась связь поколений...
- Жить для того, чтобы в этой жизни самоутвердиться...
- Жить – во имя самой жизни...
- Жить, чтобы осуществилась детская мечта...
- Жить, чтобы подольше быть с мамой, родителями, с семьёй...
- Жить, чтобы понять, кто мы есть...
- Жить, чтобы быть счастливым, понять, что такое счастье...

Второй проблемный вопрос классу: «А по-вашему, что же такое счастье?»

Примерные ответы учащихся:

- Счастье – это ощущение праздника...
- Счастье – это особое, приподнятое состояние души...
- Счастье – это когда ты знаешь, что ты не один, что с тобой твои близкие люди, которые за тебя беспокоятся и тебе помогают...
- Счастье – это сознание, что ты кому-то нужен...

– Счастье – это когда у тебя всё получается...

– Счастье – это когда тебя понимают...

3. Слово учителя.

– Да, ребята, вам совсем немного лет – 14, 15... Подростковый возраст... Это время особенное... Время наибольшего душевного беспокойства, нестабильности, недоверия к миру и, что парадоксально, в то же время – открытости и искренности.

Вы взахлёб познаёте мир. И делаете одновременно две вещи: совершаете открытия и совершаете ошибки... Одно из ваших открытий – первое чувство. Первая симпатия.

И, как следствие, – первое свидание... Мне, вашему учителю, интересно: вы к нему готовы? Не совершите свои первые ошибки? Смогут ли при этом вас понять ваши близкие? Выяснить это мы попробуем на нашем уроке. Но вначале к вам несколько вопросов:

4. Дискуссия с учащимися.

- Как ты смотришь на мир и людей?
 - Насколько активно реагируешь на происходящее вокруг?
 - Кем ты себя считаешь – ребёнком, подростком или взрослым, сформировавшимся человеком?
 - Твоё детство – далёкое прошлое для тебя или ты ещё живёшь в нём?
 - Легко ли ты находишь общий язык со сверстниками? Родителями? Интересно ли тебе с ними?
 - Как ты относишься к одиночеству? Появляется ли у тебя в нём потребность?
 - Что преобладает в твоих настроениях – тревога или радость?
 - Как ты считаешь: этот жизненный период важен для тебя и становления твоего характера или все главные перемены впереди?
 - Ты счастлив? Тебя понимают? А когда – нет?
 - Как ты думаешь, диалог – это способ понять друг друга, найти общий язык с человеком? Почему?
- ### **5. Слово учителя.**
- Я не случайно эпиграфом к нашему уроку взяла слово (из сочинения вашего сверстника, героя известной киноповести «Доживём до понедельника»: «Счастье – когда тебя понимают...».

Этот понимание, на мой взгляд, во многом зависит от того, что сделать человеку, чтобы быть понятым и услышанным. Вот и вернёмся к вашему утверждению, родившемуся в ходе нашей дискуссии: диалог – это хороший способ понять другого человека, найти с ним общий язык.

Но, согласитесь, диалог диалогу рознь... Если бы все диалоги между людьми рождали истину, приводили к компромиссу, к пониманию, как легко было бы всем нам жить и приближать то самое счастье, к которому все мы стремимся... Надо бы получше разобраться, что же такое диалог, каким он бывает, от чего зависит, чтобы диалог приводил к устранению всего того, что разъединяет людей...

Это одна из задач нашего урока.

6. Анализ диалогов из учебника «Русский язык» для 8 класса А. Н. Рудякова, Г. М. Фроловой:

Диалог «История с Собакиным».

В пятом «Б» классе раньше помещался спортивный зал. И в классе до сих пор осталась стоять шведская стенка. Собакин каждый раз забирается на верхнюю перекладину. И каждый раз я начинаю урок с того, что уговариваю его сойти вниз.

Обычно это выглядит так:

- Собакин! – проникновенно вступаю я.
- А! – с готовностью откликается Собакин.
- Слезь сию минуту.
- Мне отсюда лучше видно и слышно.

Мне каждый раз хочется стянуть его за штаны и дать с уха на ухо.

Детям становится меня жаль, и они быстро и без разговора водружают Собакина на место. Сегодня, как обычно, открыл диалог с Собакиным.

– Собакин! Ну что ты каждый раз на стену лезешь? Хоть бы поинтересней что придумал.

– А что!

– Ну вот, буду я тебя учить на свою голову.

Такого ответа он не ожидал и не подготовился.

– А вам не всё равно, где я буду сидеть? – спросил он.

Я подумал, что мне действительно всё равно и сказал:

– Ну седи.

Собакин получил моё разрешение и сразу слез.

Он потерял всякий интерес публики к себе и сидеть на узкой перекладине не имело смысла.

7. Учитель в аналитической беседе с классом.

- Как вы можете охарактеризовать этот диалог?
- В чём вы видите здесь конфликтную ситуацию?
- За счет чего конфликт исчерпан?

Работа над диалогом «Учитель истории» (в том же учебнике – отрывок из рассказа М. Зощенко).

Учитель истории вызывает меня не так, как обычно. Он произносит мою фамилию неприятным тоном. Мне кажется, он нарочно пищит и визжит, произнося мою фамилию. И тогда все ученики начинают пищать и визжать, передразнивая учителя.

Мне неприятно, когда меня так вызывают. Но я не знаю, что надо сделать, чтобы этого не было...

Я бегу за учителем. Я догоняю его на лестнице. От волнения я не могу произнести слова. Меня бьёт лихорадка.

Увидев меня в таком виде, учитель говорит:

- В конце четверти я вас спрошу. Натянем тройку.
- Я не об этом, – говорю. – Если вы меня ещё раз так вызовете, то я ... я...

Через несколько дней учитель истории вызывает меня к доске.

Он спокойно произносит мою фамилию. И когда ученики начинают по привычке визжать, учитель ударяет кулаком по столу и кричит им:

– Молчать!

В классе водворяется тишина. Я бормочу задание, но думаю о другом. Я думаю об этом учителе, который не пожаловался директору и вызвал меня не так, как раньше. Я смотрю на него, и на моих глазах появляются слёзы.

Учитель говорит:

– Не волнуйтесь. На тройку вы во всяком случае знаете.

Он подумал, что у меня слёзы на глазах оттого, что я неважно знаю урок.

Тестирование учащихся выбрать правильный вариант ответа:

1. Конфликт возник из-за того, что:
 - а) фамилия мальчика действительно произносится неприятным тоном;
 - б) мальчику показалось, что его фамилию про-

износят неприятным тоном, потому что ему было тяжело переносить недружелюбное отношение к нему одноклассников.

2. Учитель не стал никому говорить о резком разговоре с мальчиком, потому что:

- а) был не прав по отношению к ребёнку;
- б) понял причину его волнения.

3. На глазах у мальчика появились слёзы из-за того, что:

- а) он плохо знал урок;
- б) он был благодарен учителю за поддержку.

Слово учителя. Как вы видите, ребята, очень важно, чтобы выйти из конфликтной ситуации, правильно построить диалог, воспользоваться теми средствами, которые помогут это сделать. Есть, например, заповеди культуры общения при диалоге, а также своеобразные речевые формулы, которые призваны либо погасить конфликтную ситуацию при диалоге, либо, наоборот, внести ещё больше раздор в диалог. Я вас с ним и познакомлю.

Заповеди культуры общения (на отдельном стенде):

1. Не начинайте разговор словом «я» и изложением собственных целей.

2. Не опровергайте сразу точку зрения собеседника. Всегда начинайте общение с позиций, по которым ваши взгляды совпадают или близки. Так вы завоеуете внимание другого участника беседы.

3. Не превращайте речь в монолог, лишаясь контакта с другими. Не знать потребностей и вкусов собеседника – говорить в пустоту. Чтобы понять партнёра, пытайтесь смотреть на мир его глазами: «Я на его месте». Так выигрывают стратеги, так постигаются тайны человеческой природы.

4. Не подчёркивайте равенство и превосходство: одного презирают, другого боятся. Умнее тот, кто не доказывает, что он умнее.

5. Не теряйте самоуважение: без него не будет ни интереса, ни внимания. Неуважение к себе может оказаться и прямым неуважением к собеседнику: слушают лишь того, кто знает, что сказать и как сказать...

6. Не тушите пожар огнём: нужно максимум холодной воды; иными словами, на разгневанного со-

беседника наибольшее воздействие окажут простые, мудрые и спокойные слова, сказанные уверенным в себе человеком.

Знакомство с речевыми формулами (на доске).

Утешение в конфликтной ситуации:

- Не волнуйтесь, всё наладится...
- Представляю, как тебе неприятно (больно, обидно...)
- Успокойся, перемелется – мука будет...
- Представляю, что ты испытал в этот момент...
- Ты успокойся. Не надо нервничать, нервные клетки не восстанавливаются...
- Это всё пройдёт. Держи себя в руках...
- Не думай об этом. Всё обойдется. Не преувеличивай...
- Спасибо. Было очень важно знать твоё мнение...
- Мне было приятно, что ты со мной солидарен...
- Твоё мнение, пожалуй, самое правильное...
- Спасибо теперь я знаю, что...
- Высказанная тобою мысль заставляет задуматься...

– Хочу тебя поблагодарить...

– Я рада, что наши точки зрения совпадают...

Внесение раздора в конфликтную ситуацию:

– Я тебя вообще не понимаю...

– Не хочу даже слушать...

– Ты в этом вообще не разбираешься

– Это с твоей стороны – полная глупость...

Слово учителя. Я думаю, эти своеобразные речевые формулы должны помочь вам правильно выстраивать диалоги. Я советую вам всё-таки использовать те речевые формулы, которые представлены в первом блоке...

Ну а сейчас потренируемся, попробуем поначалу восстановить неполный диалог:

– ...

– ...

– Тебе легко говорить, а я первый раз буду выступать перед таким количеством людей. Из-за волнения могу слова забыть...

– ...

– Спасибо. Я всегда знала, что на тебя можно положиться.

Учащиеся предлагают свои варианты восстановления диалога, пользуясь предложенными выше речевыми формулами.

Слово учителя. А теперь пора вернуться к началу нашего урока, когда я, размышляя о специфике вашего возраста, о возможных ваших ошибках в период открытий в жизни, задала вам вопрос: смогут ли вас понять при этом ваши близкие?

Что ещё сделать, чтобы вас всегда понимали, чтобы диалог с ними всегда приводил к положительному результату?

Выводы учащихся о важности построения диалога – компромисса.

8. Самостоятельная работа учащихся.

Слово учителя. Наша вторая на уроке задача практического характера – построить такие диалоги, которые содержат обмен мнениями по нейтрализации конфликта.

Для этого разделимся на группы для самостоятельной работы.

I группа готовит диалог с мамой конфликтного характера по поводу первого свидания (разжигание конфликта).

Лидеры группы – назначаются двое учащихся.

II группа – диалог с отцом (выход из ситуации – гашение конфликта). Лидеры группы – назначаются двое учащихся.

9. Ознакомление учителя с выполненными учащимися коллективно, в групповой работе диалогами. Разыгрывание этих диалогов.

К разработке прилагаются подготовленные учащимися самостоятельно диалоги, содержащие обмен мнениями по нейтрализации конфликта, указаны их авторы.

Вариант возможного диалога «Мать – дочь» (разработка I группы).

Со всеми случается, когда дочь в возрасте 14 – 15 лет идёт на свидание. Некоторые родители, особенно мамы, понимают эту ситуацию, а некоторые не в силах смириться с тем, что их дочка растёт, становится всё более привлекательной и женственной.

Особенно, когда она идёт на первое свидание... Мы все были когда-то свидетелями разных ссор, трагедий, переживаний в семье или на улице.

Вот гуляли мы один раз на улице с друзьями и услышали разговор, он исходил из окна первого этажа соседнего дома. Ну и, как самым любопытным детям, нам было интересно, что там происходит...

Мы тихонько решили заглянуть в окно. И увидели девушку, сидящую возле зеркала, и женщину, стоящую над ней. Она долго рассказывала о чём-то интересном. Девушка, как мы заметили, была ее дочь, которая сидела около зеркала, не обращая на неё внимание. Маму это, видимо, не смущало, пока дочь её не перебила и не сказала:

– Мама, я иду сегодня на свидание...

– Куда? – спросила ошарашенная новостью мать, – Никуда ты не пойдёшь!!!

– Ну почему, мам?

– Я считаю, что лучше бы об учебе думала, чем о «гуляках».

– Мама, объясни, почему я не пойду? Я уже сделала все уроки, и, более того, я ждала этой субботы целую неделю.

– Потому, что, в твоём возрасте ещё рано ходить на свидание, тем более, неизвестно с кем! – прокричала мать.

– Во-первых, успокойся, пожалуйста, мне уже 14 с половиной лет, а во-вторых, я иду с Димой, – чуть не слёзно произнесла дочь.

– С каким Димой?! И вообще смой с себя эту краску!

– Мама, это макияж! – прокричала дочка, не контролируя себя.

– Не перебивай, когда с тобой взрослые разговаривают! А тем более мать!

– Ты вечно мне всё не позволяешь! Туда нельзя, то не трогай, там не гуляй! Надоело! Пойми, я уже выросла!

После этой фразы дочь начала притихать и говорить всё тише и тише. Мы с друзьями были в шоке.

– Я понимаю, что я для тебя ещё маленькая девочка, но, мам, пойми: я через несколько лет окончу школу и поступлю в университет, а ты не сможешь меня вечно контролировать.

И тут мы заметили, что у мамы на глазах начали появляться слёзы, она тихонько произнесла:

– Да, моя девочка, ты абсолютно права, мне остается только смириться...

Вдруг неожиданный звонок в дверь, и дочь сказала:

– Это за мной, – и убежала.

А мать так и осталась сидеть около зеркала и размышлять о словах дочери.

Мы тоже, уходя, ещё долго размышляли над только что увиденным и услышанным...

Диалог: Отец и сын (разработка II группы).

Тема: Первое свидание.

Действующие лица: Отец, сын.

– Пап, слушай, тут такое дело... Не мог бы ты одолжить мне немного денег?

– Да, конечно. А зачем, если не секрет?

– Ну что ты заладил, в самом деле. Я отдам, как смогу, обещаю, просто моих сбережений для этого дела недостаточно. Пап, что с тобой?

– Да просто задумался, зачем парню шестнадцати лет деньги, когда у него есть MP3-плеер, новый телефончик и куча вещей, которые он, кстати говоря, не носит...

– Ой, да брось. Знаешь, с возрастом появляются личные расходы!

– Такие, как, например, сигареты и пиво?

– Да... о своём сыне ты готов подумать всё самое худшее, ты ведь знаешь, что меня с детства такие вещи не прельщают. И вообще, что ты прикопался?

– Ну ладно... вот тебе 50 гривен.

– А может, добавишь ещё столько же и разойдёмся друзьями? Ты ведь особого ущерба не потерпишь.

– Ого, дорогие нынче личные расходы! У меня на работе, между прочим, на такие деньги подчинённые расписку о расходах пишут! И тебя, пока устный отчет не дашь, не отпущу и денег не дам...

– Ну ладно. А если я хочу сходить куда-то с друзьями, ну, например, в кино?

– Что-то мне мало верится, темнишь ты, сын, не нравится мне это. Не на наркотики часом присел, а?

– Всё, сдаюсь. Я веду на свидание девушку, дово-

лен?

– Да, доволен. Только боюсь, у тебя с таким настроением ничего не получится.

– Это почему же?

– Да потому, что настоящая девушка на твой широкий карман не клюнет. А всех, кто хочет из тебя что-то вытянуть, ты всегда найдешь. Девушек будет много, но твоя лишь одна...

– И что прикажешь делать? Как я узнаю ту, о которой ты говоришь?

– Знаешь, примерно в твоём возрасте я встретил одну девушку... Она не была такая, как все, не выкаблучивалась перед парнями и нескольким красавчикам дала отпор. Она была словно запретный плод. Она была хороша собой и активно участвовала в жизни школы. Однажды нам поручили организовать праздник для младших классов. Мы заработались, я пару раз проводил её домой и пригласил на ужин. К моему удивлению, она согласилась. Мы не ужинали, мы просто гуляли, любовались ночным городом. У нас не было «напряга» с темами, мы могли дополнять друг друга. Она была женственна, хрупка и в то же время имела огромную силу воли. После свадьбы я спросил у твоей мамы, почему она отвергала всех парней, кроме меня. Её ответ был краток: «Мне не нужны были богатенькие мальчики и красавчики, мне нужен был тот, кто мог бы понять меня и без слов, и такого человека я увидела в тебе».

– Спасибо, пап, знаешь, мне хватит и своих денег. Не у каждого есть такой классный отец, как ты...

10. Обсуждение с классом подготовленных диалогов. Выбор более удачного варианта построения диалога.

11. Домашнее задание: на выбор учащихся составить письменно диалог на тему «Если друг оказался вдруг...» (I вариант – разжигание конфликта, II вариант – гашение конфликта) с использованием предложенных на уроке речевых формул гашения или разжигания конфликта.

Е. П. ЧУМАК,

*учитель высшей категории, учитель русского языка
и литературы КУ «ЛСШ I-III ст.» Лутугинского
района Луганской области*

ВИДЫ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

*А что есть чтение как не разгадывание,
извлечение тайного, оставшегося
за строками, за пределами слов...
Чтение – прежде всего сотворчество.*

М. И. Цветаева

В современном образовательном пространстве трудно переоценивать роль профильного обучения. Особенно важен этот аспект работы для развития потенциала способных, творческих и одаренных учащихся. В Лутугинской специализированной школе I – III ступеней учащиеся 10 – 11 классов имеют возможность углубленно изучать русский язык и интегрированный курс литературы в классах филологического профиля. Планирование работы осуществляется в соответствии с «Программой для профильного обучения в общеобразовательных учебных заведениях с русским языком обучения» под редакцией В. И. Силантьевой – доктора филологических наук, заведующей кафедрой зарубежной литературы Одесского национального университета им. И. И. Мечникова.

Профильное обучение, осуществляемое в старших классах, дает возможность углубить базовый курс, поскольку принципиально отличается концептуальным изложением материала и попыткой представить его как целостный компаративистский курс.

Программа для классов филологического профиля предусматривает глубокое знание текста художественного произведения; умение рассмотреть его в общеевропейском контексте и в связи с основными философскими, эстетическими тенденциями конкретного исторического времени.

Курс предполагает расширение диапазона гуманитарного мышления учащихся, развитие способ-

ностей вдумчивого и творческого освоения текстов; закрепление навыков аналитического мышления. Он призван углубить знания из области литературоведческого анализа, подготавливает почву для широких обобщений и систематизации литературно – художественных фактов.

Учитывая новизну интегрированного курса литературы и трудности работы с материалом, особую актуальность приобретают инновационные подходы к анализу художественных текстов. В моей статье представлены некоторые аспекты такой работы, апробированные на уроках литературы в классах филологического профиля.

Анализ-интерпретация художественного произведения как путь формирования у учащихся потребности в чтении.

Анализ – это открытие увлекательных и поражающих ценностей там, где дети их раньше не замечали.

К. И. Чуковский

Проблема воспитания творческого чтения многогранна. В педагогике, психологии и методике много внимания уделялось и уделяется воспитанию читательской культуры, то есть умению не просто читать произведение, а быть готовым к его осмыслению, приближаться вплотную к авторскому замыслу, видеть пути реализации его проблематики. Не следует забывать и о том, что литература обладает огромным воспитательным потенциалом, развивая который, мы можем воспитывать не только грамотного читателя, а и духовно развитую личность.

На современном уроке литературы поощряется любое личное мнение. Сам факт высказывания различных мнений на уроке следует воспринимать по-

ложительно. Однако возможность различного рода утверждений без доказательств реально снижает уважение и к литературе, и к учителю.

Сейчас главная задача уроков литературы – вернуть доверие. Всплеск эмоций при общении с ней, если это происходит естественно – прекрасный результат работы учителя.

Уроки с использованием анализа – интерпретации прочно вошли в практику моей работы, потому что интерпретации предполагает поиски и обнаружение объективных причин художественного воздействия. В этот процесс следует включать рассмотрение тех сторон произведения, с которыми, в первую очередь, связано восприятие чтения. Только тогда уроки литературы будут формировать у школьников привычку находить в тексте основания для своего мнения. А для этого нужно, чтобы уроки анализа действительно открывали учащимся то, чего они не видят или не понимают в произведении.

Действенный результат дает интерпретация, основанная на анализе так называемых выдвинутых частей текста: Начала (название, эпиграф, пролог), Золотой середины и Эпилога. Размышления над смыслом названий: «Преступление и наказание», «Война и мир», «Мастер и Маргарита», – помогут учащимся более глубоко осмыслить художественное произведение. Ведь желательнее, чтобы они пришли к выводу: употребление в названии сочинительного соединительного союза «и» не случайно и указывает на неразрывную связь слов в заглавии, а это – путь к реализации концепции произведения. Часто название представляет собой развернутую метафору, в которой заключена не только концептуальная, но и подтекстовая информация («Котлован», «Превращение», «На дне»).

Не менее важна и работа с эпиграфом произведения. Так, обращение к эпиграфу романа М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита» заставляет ученика освоить огромный пласт фоновых культурологических знаний, связанных с темой дьяволиады в мировой литературе, проследить, какие виды информации заключены в нем. Обращение к главе 29 поможет учащимся еще раз убедиться в оптимальности выбранного эпиграфа.

Ребятам интересно будет узнать и историю имени одной из участниц бала, организованного Воландом, – Фриды (через образ Фриды автор реализует проблему совести, которой, как известно, на уровне подсознания занимался австрийский психоаналитик З. Фрейд).

Обращаясь к финалу романа, читателям вновь предстоит ответить на целый ряд вопросов: Почему герои романа обретают покой, не попадая, ни в ад, ни в рай? Почему именно Шуберт является любимым композитором Мастера?

Сформировать у школьников привычку задавать вопросы – одна из основных задач учителя литературы. При этом он должен опираться на свои вопросы, порождающие желание читать и перечитывать художественные произведения. Анализ – интерпретация в этом случае способствует развитию потребности в творческом чтении.

Роль лингволитературного анализа текста в творческом прочтении художественного произведения.

В школьной практике сейчас явно преобладает литературоведческий подход к анализу художественных произведений. Между тем, весьма перспективным представляется такое исследование произведения, при котором органично сочетаются элементы стилистического, лингвистического, литературоведческого, психологического, этнокультурологического анализа.

В методической практике он получил название лингволитературный и предполагает несколько приемов: 1) от заглавия (эпиграфа) – к идее произведения, 2) от символики – к концепции, 3) лингвистическое комментирование, 4) анализ стилистических особенностей и т. д.

Попробуем проследить, как с помощью некоторых из этих приемов можно рассмотреть повесть А. Платонова «Котлован».

Приступая к изучению и анализу повести, необходимо акцентировать внимание учащихся на принадлежности произведения к литературе русского авангарда и, в то же время, на связь с лучшими сатирическими произведениями классики (М. Е. Салтыков-Щедрин «История одного города», Н. В. Гоголь «Шинель», А. П. Чехов «Человек в футляре»).

Целесообразно вспомнить о жанре утопического романа и романе – антиутопии (Н. Г. Чернышевский «Что делать?», Е. Замятин «Мы» и т. д.).

Для начала исследования наиболее важен и уместен выход на идею произведения при помощи анализа – семантики слова – заглавия. Почему Платонов выбрал для повести именно такое название? Случайно ли это?

Учащиеся получают задание при помощи толкового словаря определить значение слова **котлован**. «Котлован – углубление в земле для закладки фундамента какого – нибудь сооружения» (по словарю С. И. Ожегова).

После первого этапа исследования школьники приходят к выводу, что в названии произведения заложена фактуальная информация: рабочие роют котлован под фундамент здания, символизирующего их будущую счастливую жизнь. Но так ли все просто?

Прочитав и глубоко осмыслив текст, ребята получают задание подобрать контекстуальные синонимы к слову котлован. Среди названных – яма, могила, бездна, пропасть, иллюзия. Объясняя свой выбор, они приходят к выводу, что в названии заключена концепция произведения (изображение гибельности идеи, не подкрепленной сознанием). Учащиеся отмечают, что если бы Платонов действительно хотел изобразить «светлое будущее», то в этом случае контекстуальными синонимами были следующие: основа, фундамент, платформа.

В контексте изучения произведения большой интерес представляет работа над стилистическими особенностями повестями. С этой целью учащимся предлагается сделать анализ фрагментов произведения. Например: «Социалист Сафронов боялся забыть про обязанность радости и отвечал всем и навсегда верховным голосом могуществ...». «Сафронов изобразил рукой жест нравоучения, <...> прошелся убежденной походкой и сделал активно мыслящее лицо, <...> прошелся руководящей походкой».

Учащиеся приходят к выводу, что в этом фрагменте наиболее ярко выделяются языковые гротески, которые рождаются из сочетания несочетае-

мых слов. Проследив реализацию темы «мать и ребенок» в повести, учащиеся приходят к выводу, что у строителей котлована будущего нет.

Думается, такой подход к разностороннему исследованию художественного текста будет способствовать более глубокому его осмыслению.

Использование метода стилистического эксперимента в процессе анализа художественного произведения.

Метод стилистического эксперимента признан наиболее действенным в лингвистическом и стилистическом анализе текста. Этот метод в практику толкования художественных произведений начал внедряться еще в 20-е годы XX века А. М. Пешковским и Л. В. Щербой. По мнению Пешковского, в подлинно художественном произведении все (вплоть до запятой) мотивировано и целесообразно. Большая заслуга в разработке практики стилистического эксперимента принадлежала А. Н. Гвоздеву, которой вслед за А. М. Пешковским считал, что без него нельзя заниматься анализом текста, так как осуществляемое читателем-исследователем изменение позволяет определить функцию части в составе целого. Ему уделили внимание в своих многоаспектных филологических исследованиях А. А. Потребня, В. В. Виноградов, М. М. Бахтин. Для стилистического эксперимента А. М. Пешковский предлагал использовать высокохудожественные тексты классической литературы, чтобы показать ученику, насколько тонко выбирают писатели слово, единственно возможное в данном тексте.

Часто, именно это единственное слово и делает это художественное произведение шедевром. Всякий художественный текст, если он истинно художествен, не выносит замены одного слова другим. Все варианты хуже текста. Эти причины неудачности приводят нас к пониманию причин удачности. Л. В. Щерба считал, что стилистический эксперимент развивает языковое чутье, заставляет учащихся быть внимательными в выборе слов и выражений.

Эффективность метода стилистического эксперимента попытаюсь продемонстрировать на примере урока по творчеству Ф. Кафки, при доказа-

тельстве мотивированности заглавия, которое является эпицентром художественно – образной системы. Учащиеся объясняют, почему новелла называется «Превращение», акцент делается не только на физическом превращении Грегора Замзы, но и на нравственном изменении людей, окружающих его. Отвечая на вопрос: «Можно было бы назвать новеллу иначе?», они предлагают свои варианты, т. е. проводят стилистический эксперимент. Варианты заглавий «Перевоплощение», «Метаморфоза», по их мнению, отражают лишь фактуальную информацию и не реализуют подтекстовую нагрузку. Ребята делают вывод, что в высокохудожественном произведении автором тщательно продумывают все составляющие с целью реализации авторского замысла. Известно, что в новелле отсутствует эпиграф. Выполняя задание опережающего характера, ребята подбирали эпиграфы к произведению, учитывая, что он может выполнять две функции: 1) иллюстрировать произведение; 2) выражать основную концепцию новеллы.

Наиболее удачные из находок:

Нигде не чувствуешь так своё одиночество, как среди людей. (Т. Тербих)

Человек всегда остаётся самим собой потому, что все время меняется. (В. Гжуорчин)

Истинное одиночество – это присутствие человека, который тебя не понимает. (Альберт Г. Хаббард)

Нет рабства более позорного, чем рабство духа. (Сенека)

Таким образом, на уроке для углубленного прочтения художественного произведения целесообразно использовать метод стилистического эксперимента, позволяющий учащимся в максимальной степени раскрыть замысел автора, почувствовать творческую сопричастность.

Например, для проведения практикума по стилистическому, лингвистическому и комплексному коммуникативному анализу текста могут быть использованы следующие материалы.

ВОРОБЕЙ

Я возвращался с охоты и шел по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачужая перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее мордой – и весь взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою свое детище... но все его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущенного пса – и удалился, благоговей.

Да; не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой, героической птицей, перед любовным ее порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

И. Тургенев
Апрель 1878

План стилистического анализа текста

1. Тема, основная мысль высказывания.
2. Основная функция текста (сообщение, предписание, воздействие).
3. Сфера применения данного высказывания.
4. Основные особенности, стилевые черты текста.
5. Наличие эмоционально окрашенной лексики.
6. Наличие терминов, специальных слов.
7. Фразеологизмы, их характер.
8. Синтаксический строй текста.
9. Стилиевая принадлежность текста.

Лингвистический анализ текста

1. Назвать род литературы, к которому принадлежит анализируемый текст: поэзия, проза, драма.

2. Указать тему (о чем) и основную мысль (идею) текста.

3. Определить жанр.

4. Выявить особенности строения анализируемого отрывка:

а) наличие (отсутствие) абзацев в прозаическом тексте, их начало и конец, смысловая соотнесенность;

б) количество строф, их построение, начало и конец; стихотворный размер, ритмика поэтического произведения;

в) соотношение реплик и ремарок, длина реплик, их смысловое соответствие и взаимосвязь в драматическом произведении.

5. Произвести анализ каждой строки (строфы, реплики) по плану:

а) фонетическая организация и ее особенности («звукопись», т. е. наличие аллитераций, повторов и перекличек звуковых рядов или их очевидное отсутствие);

б) морфологическая структура (слова каких частей речи преобладают и почему; в каких формах стоят слова, соотношение форм времени глаголов, взаимосвязь с ними причастий и деепричастий; роль прилагательных и наречий при конкретизации названного существительными и глаголами предмета речи и его действия, состояния);

в) синтаксическая организация (сложные и простые предложения, однотипность (разнотипность) частей сложного предложения; наличие союзов и их роль; повторы или пропуски слов и их значение; связь слов в тексте; использование разных по цели высказывания и эмоциональной окраске предложений);

г) образный речевой строй (употребление слов в переносных значениях: использование метафор, в том числе олицетворения, овеществления; использование метонимии, в том числе синекдохи; стилистические фигуры и тропы; приемы, например, гра-

дация); употребление стилистически окрашенной лексики (книжные, просторечные, разговорные и др.)

д) особенности языка данного автора (излюбленные фразеологизмы, создание индивидуально-авторских неологизмов, опорные – ключевые слова).

6. Использование метода стилистического эксперимента (искусственно заменить, предложив свой вариант, слова, словосочетания, обороты, конструкции, порядок частей) для доказательства целесообразности отбора автором и точности применения именно тех избирательно-выразительных средств, которые служат в анализируемом тексте для воплощения его основной мысли (идеи).

Комплексный коммуникативный анализ текста

1. Охарактеризуйте ситуацию общения в данном тексте (кто, когда, как общается).

2. Определите предметную цель общения (предмет или тема общения).

3. Установите коммуникативную цель общения (с какой целью ведется общение).

4. Определите, кому из героев принадлежит инициатива в общении.

5. Выясните коммуникативные намерения персонажей, участников общения (решительность – робость, настойчивость – компромисность, уверенность – неуверенность, злость, грубость, ирония, угрозы, категоричность требований и т. д.).

6. Оцените коммуникантов с точки зрения выполнения ими определенных правил общения.

7. Определите функционально-стилистическую принадлежность текста.

8. Определите, какие предложения (синтаксические модели) преобладают в данном тексте и почему?

9. Выясните, как в тексте используются риторические аспекты общения (изобразительно-выразительные средства: тропы, инверсии, риторические вопросы).

10. Дайте общую характеристику акта общения (атмосфера, тональность общения).

НАУКА - ШКОЛЕ И ВУЗУ

Л. В. ВОЗНЮК,

д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания и славянских языков Тернопольского национального педагогического университета

МЕЖДОМЕТИЕ – ОСОБАЯ ЧАСТЬ РЕЧИ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В школьном преподавании раскрываем специфику и своеобразие междометий. Предостерегаем от смешения знаменательных/служебных слов и междометий. Именно благодаря тому, что у обучаемого уже имеется информация о всех частях речи, предусмотренных программой, показываем особое место междометий среди других категорий слов. Например: междометия отличаются от **частей речи:**

знаменательных тем, что не обладают лексическим значением, не изменяются по лицам, числам и падежам, не являются членами предложения и синтаксически не связаны с ними;

служебных тем, что не выражают отношений между словами в предложении, не служат для их связи, не дополняют содержание высказывания какими-либо дополнительными смысловыми оттенками. Приводим школьникам убедительные доказательства учебной темы «Особое место междометий среди частей речи».

Доказательство *первое* (по поводу отсутствия лексического значения междометий).

Междометие **резко** отличается от самостоятельных частей речи в лексическом отношении. Оно выступает своеобразным и непосредственным выражением чувств, эмоций, экспрессивной оценки, а также волевых побуждений/призывов к действию. Выражая, но не называя их самих, оно обычно поясняется сопровождающим его словом или предложением¹. В этой связи обратимся к тематическим примерам групп А, Б и комментариям к ним.

Примеры группы А.

1. *Иди домой, похаживай, поджавши хвост, по горницам, а нас оставь! Никшни!* (Н. Некрасов.) =

Оставь → **никшни. Никшни, нишкни** (от устаревш. *нишкнуть*), синоним к междометию **цыц**.

2. *И опять пошла тревога: «Помогите, ради бога! Караул: лови, лови ...»* (А. Пушкин.) = *Лови* → **караул**².

3. *Идем? – Ага!* (И. Тургенев.) = *Идем* → **ага**.

4. **Э!** *приятель, и ты видно горе видал, коли плачешь от песни веселой.* (Н. Никитин.) = **Э** вместе с контекстом выражает эмоционально-интеллектуальное состояние действующего лица.

Примеры группы Б. Здесь одно и то же междометие передает разнообразную гамму чувств, настроений и сложных переживаний.

5. **Ах!** *От господ подальше.* = **Ах** → неудовлетворение, неудовлетворенность. (А. С. Грибоедов.)

6. **Ах!** *Нет, надеждами я мало избалован.* = **Ах** → сожаление, досада. (А. С. Грибоедов.)

7. **Ах!** *Чацкий, я вам рада.* = **Ах** → радость, восторг. (А. С. Грибоедов.)

Наконец, приводим еще один тематический пример для подтверждения того, что междометия лишены лексического значения. См.:

Междометия	Знаменательные части речи
Выражают ощущения, чувства, переживания	Называют ощущения, чувства, переживания
Страх: ой! ой! ох!	<i>Страх, страшный, бояться, страшно</i>
Возглас, которым перекликаются, чтобы найти/не потерять друг друга: ау!	<i>Отзовитесь, где вы?</i>
Удивление, догадка, узнавание при встрече: ба!	<i>Удивление, узнал, не забыл, догадка</i>
Восхищение: ого!	<i>Восторг, восхищение, восторгаться, восторженно, чудо</i>
Призыв, побуждение к какому-либо действию: ну!	<i>Хочу, требую</i> Доказательство второе (по поводу грамматики междометий).

У междометий, как у слов, принадлежащих (в основном) эмоциональной сфере, отсутствует лексическое значение. Поэтому междометия:

1) **Не** имеют грамматических значений, собственных именам (род, число, падеж) и глаголу (переходность/непереходность, лицо, вид, наклонение, время).

2) **Не** изменяются (**не** склоняются и **не** спрягаются).

3) **Не** связываются грамматически с членами предложения³. **10. Киш, киш, гуси с крыльца!** (**киш** с крыльца) **11. Ух жарко!** До полдня грибы собирали. (Н. Некрасов.) **12. Ахти мне, все товарищи в тюрьме – что-то будет и мне.** (В. Даль.)

4) **Не** выполняют синтаксической роли в предложении, **не** выступают членами предложения (**не** отвечают на вопросы членов предложения, синтаксически независимы).

Данные грамматические особенности показывают, что междометия находятся не в составе предложения, а вне его как отдельное слово или как самостоятельное целостное высказывание, эквивалент предложения = слово-предложение⁴. **13. Чур⁵ меня..**

Примечания.

1. Междометия могут быть членами предложения (чаще сказуемыми), ЕСЛИ переходят в другие части речи. Тогда они приобретают лексическое значение и становятся членами предложения, могут иметь при себе согласованные определения и изменяться по падежам и числам. Вот соответствующие примеры на:

Подлежащее: **14. Ахи да охи, да бабьи вздохи.** (В. Даль.) **15. Вот раздалось «ау!»** вдалеке. (Н. Некрасов.)

Сказуемое: **16. Вся столица содрогнулась, а девица хи-хи-хи да ха-ха-ха!** Не боится, знать, греха. (А. Пушкин.) [Подчеркивается легкомысленное отношение девицы к событиям.] **17. Вот герой! А сапожки-то на нем фу-ты-ну-ть!** (В. Василевская.) [О пленном немце, ноги которого были обернуты тряпками.]

Дополнение: **18. День ее до того напичкан всякими занятиями, ахами да охами,** что ей и оглянуться некогда. (И. Тургенев.)

Определение: **19. Ах, какой пекарь! Золото! Но тоже пьяница – и-их!** (М. Горький.)

Обстоятельство: **20. Обманывает век, а живет все эх!** (= бедно, плохо).

2. Междометия могут служить исходной базой для образования слов других частей речи, в основном глаголов. Ср.: *Ай, ой, ох айкнуть, ойкнуть, охнуть. Хихикать, хихиканье. Хохотать, шушукать. Ах + и = ахи, ох+ и = охи.*

Итак, междометия резко отличаются от других частей речи как в лексическом, так и в грамматическом отношении. Поэтому, естественно, не относятся ни к самостоятельным, ни к служебным частям речи. А занимают по отношению к ним особое место. Эта мысль утверждается в определении слов рассматриваемой нами части речи, а также в самом термине.

Междометие – особая неизменяемая часть речи, не знаменательная и не служебная, которая выражает звуком/звуками, не называя, разные чувства, ощущения, душевные состояния и волевые побуждения человека. Междометие – самое важное слово, в разговоре без него никак не обойтись, потому что оно чувства и всякие настроения человеческие выражает. Больно кому – он кричит: «Ай-ай-ай!» или «Ой-ой-ой!» Весело ему – смеется: «Ха-ха-ха, хи-хи-хи, хе-хе-хе». Встретились двое, сразу к междометию за помощью: «Привет! Здравствуйте! Здорово! Извините! Простите! Благодарю! Спасибо! Мерси! Пожалуйста!» (По Н. Александровичу.)

Термин «междометие» появился в XVIII в. из старославянского языка путем образования из *между + метие* (= “вставление”), то есть “вставленное между полными словами”. В трудах М. В. Ломоносова так и писалось «междуметие». Форма *междометие* возникла под влиянием слов с соединительными гласными **о/е**.

Итак, осуществляя анализ свойств междометий на фоне знаменательных/служебных частей речи, мы завершаем учебную работу по морфологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Именно поэтому междометия чаще всего употребляются в начале предложения, которое поясняет их смысл.

2. *Караул* – из тюркских языков (**karacol**), встречается уже в старейших русских памятниках. Однокоренные слова: существительное *караул*, прилагательное *караульный* и глагол *караулить*.

3. В предложении некоторые междометия могут грамматически подчинять себе другие слова: **8. Вон отсюда!** **9. Спасибо вам!**

(Сочетания, как в примерах **8,9**, обычно становятся устойчивыми, неделимыми, фразеологическими.)

4. См. авторское пособие. Русский язык: синтаксис. – Тернополь: Навчальна книга. – Богдан, 2006. – § 34. Слова-предложения.

5. *Чур* – требование соблюдать тишину или осторожность; не делать чего-либо необдуманного, неосмотрительного.

Е. КОЛПАКОВА

СПЕЦИФИКА РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА И МЕСТОИМЕНИЕ ОН¹

Своеобразным барометром нашего общения служит понятие культуры общения, которая взаимосвязана с культурой поведения. Общая культура поведения проявляется во всех областях человеческих отношений – служебной, семейной, личной, политической и т. д. Один из основных принципов повседневной жизни – поддержание нормальных отношений между людьми и стремление избегать конфликтов.

В процессе воспитания, социализации человек, становясь личностью и все более совершенно овладевая языком, познает и этические нормы взаимоотношений с окружающими, в том числе и речевых взаимоотношений, иначе говоря, овладевает культурой общения. Но для этого надо ориентироваться в ситуации общения, действовать по правилам коммуникативных ролей говорящего или слушающего, строить текст в соответствии со стилистическими нормами, владеть устными и письменными формами общения, уметь общаться контактно и дистанционно, а еще и владеть всей гаммой невербальных средств коммуникации.

В коммуникативном отношении важно, что речевой этикет очень часто рассматривает целый «блок общения», состоящий из:

- реплики-стимула,
- типизированных стереотипных фраз,

– включения реплик в контекст дальнейшего общения,

– а также жестов, мимики и т. п.

Таким образом, выбор той или иной формулы речевого этикета всегда коммуникативно обусловлен.

В привычном и знакомом нам еще со школьной скамьи соотношении трех лиц я /ты/он (говорящий/собеседник/3-е лицо) местоимение третьего лица занимает особое положение. Оно противопоставлено первым двум, так как не обозначает непосредственного участника речевого общения, происходящего в данный момент. Местоимение третьего лица оформилось в русском языке как личное значительно позже, чем я, ты, вы, и до определенного периода относилось к указательным. Таким образом, местоимения 3-го лица имеют более широкие возможности:

– употребляется вместо лица (*он* – человек) и вместо предмета (*он* – дом, *она* – река);

– сохраняет наряду с личным и указательное значение (*он* и *этот* могут быть взаимозаменяемы в некоторых случаях).

Личные местоимения имеют прямое отношение к речевому этикету. Они связаны с самоназваниями и наименованиями собеседника, с ощущением того, что «прилично» и «неприлично» в таком назывании.

Например, не принято называть присутствующее при разговоре третье лицо местоимением он (она). Я и Ты, Мы и Вы – это как бы включающие местоимения, то есть такие, которые выделяют собеседников из всех остальных, а Он, Она, Они – местоимения исключающие, указывающие не на того, с кем в данное время общаются, а на нечто третье. Между тем этикет многих стран не запрещает такого речевого действия – «исключения» присутствующего.

Русский речевой этикет предусматривает называние третьего лица, присутствующего при разговоре, по имени (и отчеству). Этические ограничения, связанные со словом он, возникают прежде всего в диалогах. Говорящий использует местоимение 3-го лица чаще всего с целью избежать повторения одного и того же слова:

Назначили к нам нового учителя истории и географии, некоего Коваленко... Приехал он не один, а с сестрой Варенькой [8].

Кроме подобного, нейтрального, употребления, существуют диалоги, в которых слова он и она выражают не обычное замещение, а приобретают признаки существительного – предметного значения – и не нуждаются в смысловой зависимости от названия имени. Пример такого значения находим у А. С. Пушкина в стихотворении «Она»:

«Печален ты; признайся, что с тобой».

– Люблю, мой друг! – «Но кто ж тебя пленила?»

– **Она**. – «Да кто ж? Глицера ль, Хлоя, Лиля?»

– О, нет! – «Кому ж ты жертвуешь душой?»

– Ах! **ей!** – «Ты скромн, друг сердечный!

Но почему ж ты столько огорчен?

И кто виной? Супруг, отец, конечно...»

– Не то, мой друг! – «Но что ж?» – **Я ей не он²**.

Но не всякое употребление местоимения он в диалоге является невежливым. Допустимо это тогда, когда отсутствующее лицо уже было названо самим говорящим и дальнейшее повторение становится бессмысленным: «**Да, отец дома, он сейчас сам подойдет**».

А вот начинать фразу со слова он, она, повторять, да еще и в присутствии называемого лица – крайне невежливо.

Использование местоимения 3-го лица он/она –

своеобразное отражение позиций говорящего, отстранение его от активной роли в речевом акте, от позиции говорящего, причем отстранение столь значительное, что в нем разграничение лица и предмета в речевом акте становится неразличимым. Более того, такое поведение говорящего может быть расценено как демонстрация превосходства и даже как намеренное создание коммуникативного дискомфорта для воспринимающего его речь лица.

Иногда говорящий нарочито избегает прямого называния третьего лица по разным причинам: таинственность, враждебность, отчуждение или пренебрежение.

И баронесса, не отпуская Вронского, стала ему рассказывать, пересыпая шутками, свои последние планы жизни и спрашивать его совета.

– Он все не хочет давать мне развода! Ну что мне делать? (Он был муж ее.) Я теперь хочу процесс начинать... Вы понимаете ли эту глупость, что я ему будто бы неверна, – с презрением сказала она, – и от этого он хочет пользоваться моим именем³.

Преднамеренное употребление местоимения он привело к активизации в нем древнего указательного значения. Говорящий тем самым отстраняет себя от лица, называемого словом он.

Особенно резкая, демонстративная отстраненность проявляется в том случае, если слово он произносится в присутствии самого третьего лица:

– Но как же так? – повернулся Сашка к очереди. – Я вчера и в магазине не был, а мне скандал какой-то приписывают! Вы-то что?!

Тут выступил один пожилой в плаще.

– Хватит – не был **он** в магазине!⁴

Адресат становится «третьим лицом», то есть игнорируется как возможный собеседник. Он приобретает оскорбительный характер. Очевидно, именно указательное значение делает то или иное слово этически неприемлемым для называния лица, особенно присутствующего при разговоре. Данное значение активизируется, если лицо не называется по имени в предшествующих репликах диалога, если местоимение он – преднамеренное, подчеркнутое и не вызвано необходимостью избежать назойливого повтора.

Речевой этикет не случайно предполагает умение пользоваться и столь маловыразительным, на первый взгляд, словом *он*. Местоимение третьего лица может быть средством отстраненности, обезличивания, фамильярности и поэтому требует грамотного использования в речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. При подготовке статьи была использована следующая литература: *Введенская Л. А.* Русский язык и культура речи: учебное пособие для вузов. Ростов: Феникс, 2007; *Граудина Л. К., Ширяев Е. Н.* Культура русской речи. Норма, 2005; *Дунев А. И.* Русский язык и культура речи / Под ред. Черняк В. Д. М., 2002; *Формановская Н. И.* Вы сказали: «Здравствуйте!». Речевой этикет в нашем общении. М.: «Знание»,

Способов передавать в речи этикетные значения – невероятно много. Каждый раз, когда мы выбираем, что сказать и как сказать, мы обязательно учитываем (хотя не всегда сами это замечаем) и то, с кем и в какой обстановке говорим. Поэтому речи, не имеющие никакого отношения к этикету, вообще не бывает.

1982; *Формановская Н. И.* Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 1989.

2. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений в 10 томах. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 441.

3. *Толстой Л. Н.* Анна Каренина. М.: Художественная Литература, 1985. С. 126 – 127.

4. *Шукшин В.* Полное собрание рассказов в одном томе. М.: ЭКСМО, 2012. С. 565.

В МИРЕ СЛОВ

является императивным. Во-вторых, он не имеет ни территориальных, ни функционально-стилистических ограничений, в отличие от КВС *просек*, который фиксируется либо с пометой *областное*, либо с пометой *горное*. Исходя из сказанного, можно предположить пролонгирование КВС *просека* в значении “расчищенная дорога в лесу” и узкоспециальное функционирование КВС *просек* в качестве термина горного дела.

Дверями – дверьми, дочерями – дочерьми

К полностью устоявшейся вариантности относятся однотипные варианты слов женского рода множественного числа (*двери, дочери*) в форме творительного падежа с флексиями *-ами* (орфографически *(-ями)*) или *-ми: дочерями – дочерьми, дверями – дверьми*. Об этом свидетельствуют данные БГС (с. 228 и с. 276), где эти формы репрезентированы как равноправные. Аналогичной точки зрения придерживается и Н. А. Еськова (КСТРЯГФУ, с. 104 и с. 117), и авторы ОСРЯ (с. 113 и с. 134), и другие современные лексикографические словари и справочники. Необходимо также отметить, что краткие варианты падежных форм анализируемых словоформ в вышеперечисленных источниках фиксируются первыми, что указывает на их приоритетность.

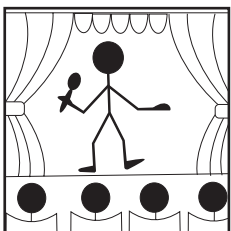
Каковы же перспективы победы одного из вариантов в парах *дверьми – дверями* и *дочерьми – дочерями* процессе конкуренции?

1) Оба КВС в вариантных парах широко употребительны. 2) Являются императивными. 3) Фиксируются в лексикографических источниках в настоящее время (последние два десятилетия) как нормативные. 4) Не имеют территориальных ограничений. 5) Являются общепотребительными. При этом надо указать, что в отношении стилистической значимости среди лингвистов нет единого мнения. В частности, К. С. Горбачевич в словаре-справочнике «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» относительно формы *дверями* указывает только на ее *допустимость* (с. 105), а форма *дочерьми* репрезентуется им как *просторечная* (с. 123). Авторский коллектив нового учебника «Современный русский язык: Морфология», рассматривая данные варианты, фиксирует формы *дверями* и *дочерьми* как *нейтральные*, а формы *дверьми* и *дочерьми* как *разговорные* (с. 196). 6) Оба КВС в вариантных парах являются общепотребительными в настоящее время. 7) Находятся в сильной силовой зоне. 8) Варианты *дверьми* и *дочерьми* в большей степени соответствуют прототипу (по аналогии с нормативными вариантами *детьми, людьми*; варианты *детьми* и *людьми* находятся за пределами литературной нормы языка). 9) Находятся в аугментарной стадии конкуренции. 10) Краткие варианты *дверьми, дочерьми* представляются более продуктивными. 11) Естественно и искусственно узализированы в социуме. 12) Краткие варианты анализируемых падежных форм множественного числа более перспективны, так как в большей степени соответствуют динамике языковой системы, в частности, активно действующему закону языковой экономии (компрессии языковых средств), когда из двух нормативных КВС носителями языка выбирается вариант более краткий.

Исходя из вышесказанного, в перспективе можно прогнозировать победу вариантов *дверьми* и *дочерьми* в качестве нормативных, варианты *дочерьми* и *дверями* будут менее частотны и, возможно, стилистически маркированы.

Достигнуть – достичь

Продолжение на стр. 38

ПОЗЛЕ ЗВОНКА

И. Н. АНДРОНОВА,
преподаватель зарубежной литературы
Мелитопольского училища культуры

«ВО ВСЕМ МНЕ ХОЧЕТСЯ ДОЙТИ ДО САМОЙ СУТИ...» (О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ БОРИСА ПАСТЕРНАКА)

Оформление вечера: фотопортрет Б. Л. Пастернака, фотодокументы, книжная выставка, записи музыкальных произведений русских и зарубежных композиторов (В. Моцарта, А. Скрябина, Д. Шопена, П. Чайковского).

1-й ведущий: Борис Пастернак... Имя этого поэта знакомо каждому образованному человеку, и даже если Вы не изучали его поэзию, то, конечно, слышали его произведения, которые были положены на музыку и стали песнями.

(Звучит музыка Скрябина. На фоне музыки чтение стиха «Зимняя ночь»).

Сегодня мы с Вами более детально познакомимся с поэтом и его творчеством.

Говорить о пастернаковской судьбе невозможно, не затвердив наизусть его слова из автобиографической повести «Охранная грамота»: «Я не пишу своей биографии. Я к ней обращаюсь, когда того требует чужая... Настоящего жизнеописания заслуживает только герой, но история поэта в этом виде вовсе непредставима».

1-й ведущий: Тринадцатилетний сын академика живописи, профессора Училища живописи, ваяния и зодчества, и пианистки, он летом 1903 года упал с лошади, сломал ногу; нога неправильно срослась, и Пастернак разом выбыл из числа участников двух предстоящих мировых войн и одной гражданской. Если учесть, что эти войны наряду с тремя революциями стали для пастернаковского поколения средоточием Истории, то ясно, что сама судьба изначально поставила поэта в позицию созерцателя,

гостя на жизненном пиру и предопределила глубинное своеобразие его исторического и художественного мышления. Не случайно он подчеркивал, что именно с этого «падения» начался его путь в творчество.

2-й ведущий: Борис Леонидович Пастернак пришел к поэтическому творчеству не сразу.

Москвич по рождению, сын академика живописи и знаменитой пианистки, он был заворочен первоначально музыкой. Прошел композиторский курс при консерватории – эти музыкальные опыты одобрял А. Н. Скрябин. Потом его захлестнуло увлечение философией: он учится на философском отделении историко-филологического факультета в московском институте. В 1912 году Пастернак уехал учиться в немецкий город Марбург. Коген, один из тогдашних философов-мэтров, во время летнего семестра в Марбурге благосклонно отозвался о его занятиях философией. На страницах научных рефератов стали появляться стихи.

1-й ведущий: Первые пять стихотворений Пастернак опубликовал в 1913 году (в альманахе «Лирика»). Через год, в 1914 году, вышел сборник «Близнец в тучах». Февраль... Зима...

«Холод, одиночество, неприкаянность...».

Очень часто вдохновение приходило к Пастернаку именно в феврале.

(Чтение стихотворения «Февраль. Достать чернил и плакать»).

2-й ведущий: За Пастернаком утвердилось слава

крайне субъективного лирика, чьи образы трудно постижимы. Основания для подобных утверждений, несомненно, были. Но дело не в образе как таковом. Ранние стихи были рождаемы поэтической энергией редкой силы. Здесь очень редки цельные картины, стихи скорее напоминают метафорический обвал.

(Стихотворение «Здесь прошелся загадки таинственный ноготь»).

1-й ведущий: Известность же в литературе поэту принесла книга «Сестра моя – жизнь». Она создавалась летом 1917 года, но вышла в свет только в 1922 году. М. Цветаева не отрывалась от нее по несколько дней подряд, восклицая: «Ваша книга – ожог. Ну вот обожглась и загорелась, и сна нет и дна нет». Марину Цветаеву и Бориса Пастернака тянуло друг к другу, их отношения были уникальными, непохожими ни на какие другие, очень значительными.

Представьте себе, как Марина Цветаева в далекой Чехии, в полутемной комнате при свете свечи читая.

(Чтение стихотворения «Ты в ветре, веткой пробуешь...» под музыку Шопена).

2-й ведущий: В 1931 году Пастернак издает новую книгу стихов – «Второе рождение». Эта книга была во многом связана с новым чувством, которое вошло в жизнь поэта, к Зинаиде Николаевне Нейгауз.

1-й ведущий: Зинаида Николаевна Нейгауз и Борис Леонидович Пастернак познакомились в конце 1929 года. Лето 1930 года семьи Пастернаков и Нейгаузов провели в дачном поселке Ирпень под Киевом. Вспыхнувшее между Борисом Леонидовичем и Зинаидой Николаевной чувство привело к распаду обеих семей. Вскоре Борис Леонидович и Зинаида Николаевна стали мужем и женой. Одна из современниц вспоминает, как в 1933 году она впервые увидела Зинаиду Николаевну с Пастернаком: «Борис Леонидович, всегда так живо на все откликавшийся, был неузнаваем. Он ничего не видел и никого не слышал, кроме Зинаиды Николаевны. Он глаз с нее не спускал, буквально ловил на лету каждое движение, каждое слово. Она была очень хороша собой, но покоряла даже не столько ее яркая внешность жгучей брюнетки, сколько неподдельная простота и естественность в обращении с людьми».

(Чтение стихотворения «Красавица моя, все стать» под музыку Шопена).

2-й ведущий: Глубина чувства поэта отразилась и в его письмах к Зинаиде Николаевне: «Ты настолько оказываешься совершеннее того большого, что я думаю о тебе, что мне становится печально и страшно. Я начинаю думать, что счастье, которое кружит и подымает меня, предельно для меня, но для тебя еще не окончательно полно. Что я не охватываю тебя, что как ни смертельно хороша ты в моем обожанье в действительности ты еще лучше...».

(Чтение стихотворения «Никого не будет в доме»).

1-й ведущий: Зинаида Николаевна бережно хранила письма Бориса Леонидовича. Но после смерти поэта она осталась без средств к существованию. Никто из писателей не помог. В 1962 году Зинаида Николаевна перенесла тяжелый инфаркт. Безденежье становилось непереносимым. Почти невозможным казалось сохранение дома поэта в Переделкине, в котором она надеялась в дальнейшем увидеть музей. Видимо, эти обстоятельства послужили причиной тому, что 8 октября 1963 года Зинаида Николаевна продала самое дорогое из того чем располагала, – письма Бориса Леонидовича к ней.

(Чтение стихотворения «Здесь будет все»).

2-й ведущий: 7 мая 1958 года Пастернак в письме Ренате Швейцер написал о прототипе образа Лары из романа «Доктор Живаго»: «Во втором послевоенном времени я познакомился с молодой женщиной – Ольгой Всеволодовной Ивинской... Она и есть Лара моего произведения, которое я именно в это время начал писать... Она олицетворение жизнерадостности и самопожертвования. По ней не заметно, что она в жизни перенесла... Она посвящена в мою духовную жизнь и во все мои писательские дела».

1-й ведущий: Так в 1946 году почти одновременно начался их роман и работа Пастернака над романом «Доктор Живаго». Ольга Всеволодовна вспоминает: «Одна из главных тем романа судьба, ее перекрестки, то, что должно неумолимо случиться, – все нити уже протянуты, все узелки уже завязаны... И

так вышло, что этот роман в прозе начал определять, и нашу судьбу... Да, он был заколдованным – этот роман в прозе, он приносил безумное счастье и страшное горе. Он был нашей шагреновой кожей: чем меньше оставалось до смерти героя, до последней точки, тем ближе была развязка и в нашей жизни. Впрочем, тогда до первой беды оставалось еще целых три года!».

2-й ведущий: Настоящий знак беды будет дан им 21 марта 1947 года. В этот день в газете «Культура и жизнь» выйдет статья Алексея Суркова «О поэзии Бориса Пастернака». Смешно и нелепо, но все его неприятности начались с обвинения в том, что он далек от действительности. Он не ездил на заводы, не писал политические плакаты. Его стихи тем и отличаются, что они – просто сама жизнь.

(Чтение стихотворения «Гамлет»).

Слово учителя: 6 октября 1949 года Ольгу Ивинскую увезли на Лубянку. Месяцы еженощных допросов. «Почему вы с Пастернаком собрались удрать за границу? Советуем вам подумать и рассказать, что за роман Пастернак пускает по рукам. Вам надо написать, что он является клеветой на советскую действительность» – требовал следователь. Она уже просидела в тюрьме полгода. Ребенок родился мертвым. Ольга Ивинская получила пять лет лагерей. Пастернак перенес инфаркт.

Друзья потом рассказывали, что после ареста Ивинской Пастернак даже в разговоре с малознакомыми людьми называл Сталина убийцей. Пастернак мучился от того, что другие сидят, а он на свободе.

(Чтение стихотворения «Душа»).

Так почему же Сталин не трогал Пастернака? По материалам «дела», он проходил соучастником некоей вымышленной организации работников искусства, за «создание» которой погибли Мейерхольд и Бабель. Тогда ходили слухи, будто Сталин в последний момент отменил арест Пастернака, сказав: «Не трогайте этого небожителя...». Если это так... Что ж, и тиран имеет право на минуты милосердия.

(Чтение стихотворения «О знал бы я» под музыку Шопена).

1-й ведущий: Роман «Доктор Живаго», изданный за границей в 1957 году, привлёк внимание мировой общественности, но был принят в штыки ждановско-сусловской критикой в СССР. Началась открытая травля поэта, закончившаяся исключением его из Союза писателей. В это время, в 1956 году, Шведская академия словесности и языкознания присудила ему Нобелевскую премию за «выдающиеся достижения в современной лирической поэзии и на традиционной ниве великой русской прозы». Опальный поэт, опасаясь продолжения репрессии, отказался от премии. Горечь обиды, боль души вылились вскоре в стихи.

(Чтение стихотворения «Нобелевская премия»).

Слово учителя: Роман «Доктор Живаго» был опубликован у нас только в 1988 году в журнале «Новый мир». Это роман об участии человека в Истории. Главный герой романа – художник, поэт; в его судьбе по свидетельству автора отразились судьбы Блока, Маяковского и самого Пастернака. Сейчас мы предлагаем Вашему вниманию цикл «Стихотворений Юрия Живаго». Открывается цикл стихотворением «Гамлет», а завершается «Гефсиманским садом». Первое, что встречает нас при входе в цикл, – тема зрительного зала, «сумрак ночи», «тысячью биноклей на оси». Последнее, что провожает при выходе из него, – образ Гефсиманской ночи и таинственной темноты Истории, в центре которой горит неугасимый огонь Христовой жертвы.

(Чтение стихотворений «На страстной», «Дурные дни», «Магдалина», «Гефсиманский сад»)

1-й ведущий: «Травля добила его», – вспоминал Вознесенский и заключал: «Художники уходят без шапок, будто в храм, в гудящие уголья к березам и дубам...». Последняя книга поэта – «Когда разгуляется» – была опубликована уже после его смерти. Дух крепок, плоть же немощна. Противостояние надорвало его. В 1960 году у него была обнаружена запущенная опухоль в легких. 30 мая 1960 года жизнь поэта прервалась.

(Чтение стихотворения «Во всем мне хочется дойти до самой сути»).

О. Ю. КУЗНЕЦОВА,

учитель русского языка гимназии-интерната № 13
Соломенского р-на г. Киева

«ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЕ»

(КВН ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СРЕДНИХ КЛАССОВ)

1. Чтение стихотворений о русском языке и КВН
(составление стихотворений команды получили в качестве домашнего задания).

I команда:

Русский язык! Как он велик и прекрасен,
Как благозвучен и ясен!
Сколько богатства таит он в себе!
Читаешь стихи – они радость дарят.
И мысли над миром как будто парят,
И счастьем наполнено сердце твоё,
И, кажется, миг – и оно запоёт.
Пушкин и Лермонтов, Толстой и Крылов,
Сколько написано ими томов!
Как не читать их? Ведь трудно представить
Жизнь человека без этих столпов.
Мы изучаем язык не напрасно:
Он нам приносит плоды ежечасно.
Чтоб изучить этот нужный язык,
Каждый трудиться помногу привык.

II команда:

Мы начинаем КВН.
Он нам покажет, как мы знаем
Язык, знакомый всем из нас,
Умеем быстро находить
Слова и ставить ударенье.

Чтоб в лужу нам не сесть сегодня,
Мы напряжёмся до предела,
Заставим думать даже вас,
Ведь русская у нас неделя.

Фразеологизмы мы найдём,
Омонимы угадаем.
Синониму пару подберём,
Загадки отгадаем.

Мы готовы бороться за победу
И желаем успеха всем.
Мы начинаем КВН!

2. Представление команд и их капитанов.

3. Игра «Кто больше?» (Домашнее задание: команды должны назвать как можно больше фразеологизмов со словами: *голова, глаза, нос, ноги*).

4. Игра «Найди себе пару»: членам команд раздаются листы с напечатанными на них фразеологизмами, среди которых есть синонимы-фразеологизмы; играющие должны быстро отыскать синоним к своему фразеологизму и образовать пару.

<i>С места в карьер</i>	<i>Не отходя от кассы</i>
<i>Яблоку негде упасть</i>	<i>Тьма тьмущая</i>
<i>Во всю прыть</i>	<i>Слома голову</i>
<i>Водить за нос</i>	<i>Обводить вокруг пальца</i>
<i>Засучив рукава</i>	<i>Не покладая рук</i>

5. Задание: поставьте ударение в словах. (Члены команд подходят к двум доскам, где прикреплены слова, по одному и ставят ударение в слове, которое ему открывают).

Каталог, верба, поняла, торты, звонишь, столяр, спала, красивее, правы, кухонный, крапива, арбуз.

6. Игра «Дополните пословицу» (поочередно члену то одной, то другой команды предлагается продолжить начало пословицы):

Не было бы счастья ... (да несчастье помогло)
На чужой каравай ... (рот не разевай)
На чужой роток ... (не накинешь платок)
Не было печали ... (так черти накачали)
Любишь кататься ... (люби и саночки возить)
Лучше синица в руках ... (чем журавль в небе)
Береги платье снову ... (а честь смолоду)
Большому кораблю ... (большое плаванье)
В тихом омуте ... (черти водятся)
Взялся за гуж ... (не говори, что не дюж)
Жизнь прожить ... (не поле перейти)
За что купил ... (за то и продаю)
Кабы знал, где упасть ... (соломки бы подостлал)

Кто старое помянет ... (тому глаз вон)

Молодец против овец ... (а против молодца и сам как овца)

На всякого мудреца ... (довольно простоты)

Не место красит человека ... (а человек место)

Не плюй в колодец ... (пригодится воды напиться)

С миру по нитке ... (голому рубаха)

Слово – серебро ... (молчание – золото).

7. Игра «Угадай слово (омоним или многозначное)» (по двум лексическим значениям команды должны угадать слово). Поочерёдно команды называют по три слова:

1) брак:

Заключение союза между людьми

Недоработка, изъян в изделии

2) бычок:

Уменьшительное название парнокопытного животного

Название мелкой рыбы

3) гранат:

Полезный фрукт

Ценный камень красного цвета

4) конёк:

Уменьшительное название прекрасного животного

Предмет, который необходим в хоккее и фигурном катании

5) ласка:

Проявление нежности

Небольшое хищное животное

6) вид:

Грамматическая категория глагола

Часть головы человека

8. Конкурс капитанов:

1) Написать как можно больше слов (имена существительные в именительном падеже), используя буквы слова **РАДОСТЬ** (*дар, дот, рот, Тора, сода, трос, сад, рост, ад, ода, ось, ор, оса, рота, стадо – 15 слов*).

2) Составить маленький рассказ по опорным фразеологизмам: *делать из мухи слона, водить за нос, плакать в три ручья, семь пятниц на неделе*.

В это время команды составляют четверостишья по данным рифмам: *капель – апрель; детвора – лора*. А зрители выполняют задания и отгадывают загадки.

Игра для зрителей:

1) Назвать слова, в которых есть буквы слова **СЛОВАРЬ** (*ров, вор, ор, лов, соль, ларь, роса, вол, лось, сова, овал, вал*). Приз вручается тем, кто назвал двусложные слова.

2) Зрители отгадывают загадки:

На десятерых братьев двух шуб хватает. (Варежки). Был ребёнок – не знал пелёнок, стал стариком – сто пелёнок на нём. (Капуста).

Когда ненастье, он гуляет, а в ясный день в углу стоит. (Зонт).

Меня просят, меня ждут, покажусь – так прятаться начнут. (Дождь).

Сестра к брату в гости идёт, а он от неё прячется. (Солнце и месяц).

У отца семь сыновей, да у каждого сына сестра. Сколько у отца детей? (Восемь).

Все его любят, а поглядят на него, так каждый морщится. (Солнце).

Во лугах сестрички – золотой глазок, белые реснички. (Ромашка).

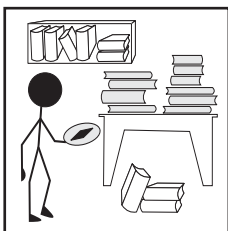
Если бы не было его, не сказала б ничего. (Язык).

Всем, кто придёт, и всем, кто уйдёт, она ручку подаёт. (Дверь).

Бел, как снег, в чести у всех. В рот попал и пропал. (Сахар).

Кто над нами вверх ногами? (Муха).

3) Игра «Кто больше»: назвать фразеологизмы и пословицы, в которых встречаются имена числительные.

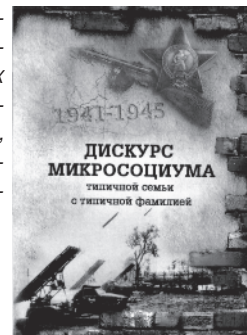
В МИРЕ КНИГ

Уважаемые читатели, в 2015 году в Киеве в издательстве «Освита України» была опубликована монография Людмилы Петровны Ивановой «Дискурс микросоциума (типичной семьи с типичной фамилией)» (64 с.). Работа, посвященная исследованию семейного дискурса, рассчитана на филологов, преподавателей, аспирантов, студентов. Предложенная автором модель описания микросоциума-семьи, в основе которой лежит анализ любимых песен, частушек, семейных преданий, артефактов и прецедентных феноменов, создающих свертхтекст-родительский дом, может быть использована при характеристике других национальных микросоциумов. Предлагаем вашему вниманию рецензию на монографию и фрагмент из книги.

Н. Н. СЫРОМЛЯ,

канд. филол. наук, доцент, мл. научн. сотр. Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

МОНОГРАФИЯ Л. П. ИВАНОВОЙ «ДИСКУРС МИКРОСОЦИУМА (ТИПИЧНОЙ СЕМЬИ С ТИПИЧНОЙ ФАМИЛИЕЙ)» (КИЕВ, 2015, 64 С.)

Перед нами особенная книга. Она о семье, о родительском доме, о дорогих членам семьи вещах и любимых песнях, книга о личном и о многом. Уникальность и необычность ее в гармоничном единстве пережитого не одним поколением семьи опыта и лингвистического подхода к данному материалу.

Монография Л. П. Ивановой адресована ученым-филологам, педагогам, родителям и всем тем, кому «важна историческая память, эксплицированная в памяти родной семьи» (с. 4).

В работе впервые с позиций лингвистики анализируется новая категория **микросоциум семьи**.

Остановимся на данном понятии.

Отметим, что отдельные аспекты семейного дискурса становились объектом изучения языковедов, например, в работе Занадворновой А. В. (Москва 2003) анализу подверглись имена, прозвища, обращения в семье, семейная фразеология, семейный «словарь»; в диссертации Бигари А. А. (Киев 2006) проведен комплексный анализ дискурса современной англоязычной семьи; исследование Звягинцевой В. В. посвящено изучению особенностей функционирования различных форм обращения в рамках русского и английского семейного дискурса (Курск

2011) и др. Однако цельное описание дискурса семьи пока не создано, научный аппарат не разработан, что говорит об актуальности исследования проблемы.

По мнению Л. П. Ивановой, согласно концепции инварианта/варианта В. М. Солнцева (Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. – М., Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1971), «...можно утверждать, что ментальное пространство того или иного народа – инвариант, воплощающийся во множестве вариантов – ментальном пространстве разных семей. У каждой из них есть общее, обусловленное национальными традициями, историей, местом проживания и мн. др., но есть и много оригинального, специфического, связанного с личностями членов семьи» (с. 9).

Для обозначения коммуникативной деятельности, протекающей в родительском доме, автор выбирает термин дискурс.

Проанализировав характеристики данного понятия (Е. А. Селивановой, Н. Д. Арутюновой, Т. М. Николаевой, Ю. С. Степанова, Л. Ю. Иванова, Э. Бюисанса, З. Хэрриса, П. Серии и др.), Л. П. Иванова делает вывод: «То, что анализируем мы, тоже есть

основания рассматривать как “целенаправленное социальное действие”, оно отражено в механизмах сознания, это действительно речь, погруженная в жизнь. Но как быть с невербальной составляющей жизни семьи: вещи, которыми пользовались дорогие люди... На дальнейшие размышления нас вдохновила мысль Н. Д. Арутюновой об анализе дискурса сквозь призму “общей тенденции к интеграции гуманитарных исследований”» (с. 10).

Таким образом, формируется ключевое определение в работе: «...для нас дискурс микросоциума – это коммуникативная деятельность членов одной семьи, протекающая в стенах родительского дома, находящаяся под мощным влиянием семейных, национальных и культурных традиций... в семье создается особое ментальное пространство» (с. 13).

Материалом для исследования послужил дискурс семьи автора – семьи Ивановых, «типичной семьи с типичной фамилией».

Дискурс микросоциума семьи Л. П. Иванова анализирует с помощью следующих лингвистических категорий и компонентов.

Категория прецедентности (работы Ю. Н. Караулова, Ю. А. Сорокина, И. М. Михалева, В. Г. Костомарова, Н. В. Бурвикова, И. В. Захаренко, Ю. Е. Прохорова, Д. Б. Гудкова, В. В. Красных и др.) реализуется посредством *прецедентных феноменов* (поскольку дискурс микросоциума – это коммуникативная деятельность, протекающая в определенных условиях, следовательно, включает в себя вербальные и невербальные компоненты), классифицированных на *прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные события, прецедентные ситуации, прецедентные высказывания* семьи Ивановых.

В рамках категории прецедентности Л. П. Иванова анализирует любимые песни семьи, в которых эксплицируются духовные ценности семьи, во многом обусловленные опытом переживания Великой Отечественной войны, малые песенные жанры (частушки), семейные предания, материальные прецедентные феномены, среди которых рассматриваются артефакты как свертхтекст родительского дома и домашние любимцы.

Концепты. Основными единицами ментального пространства микросоциума семьи наряду с прецедентными феноменами являются концепты, ключевые слова культуры.

В монографии представлен анализ концептов, вербализованных в любимых песнях семьи Ивановых: *концепт Родина, концепт война, концепт любовь, концепт родной дом*. Отдельный пункт работы посвящен концепту *толерантности* в структуре семейных ценностей.

Лингвистическое осмысление автором ежедневно окружающего нас пространства семьи вызывает у читателя изменение привычного вектора восприятия: «Родительский дом – целостное образование, созданное за счет тематической общности входящих в него единиц. Он обладает четко выраженным пространственным и временным локусом. Главное, что отличает родительский дом от канонического свертхтекста – его невербальность, однако именно он создает “тексты, погруженные в жизнь” (Н. Д. Арутюнова). Так, например, в большинстве семей есть любимые песни, частушки, которые нигде больше не поются, именно в них проявляется ментальное пространство семьи, семья создает мощную базу прецедентных феноменов [13, с. 58]: детские имена и прозвища, имена дорогих людей (прецедентные имена) [13, с. 98], события из жизни разных поколений передаются в устоявшихся текстах – рассказах (прецедентные тексты, прецедентные события) [13, с. 68], семья хранит память о забавных высказываниях детей (прецедентные высказывания), смешные и трагические ситуации, в которые попадали члены семьи (прецедентные ситуации). Все указанные феномены носят социально-прецедентный характер [23, с. 149].

Семья функционирует и развивается в рамках национальной культуры (или культур, если заключаются браки между представителями разных национальностей), живет одной жизнью с жизнью своей страны и общества, поэтому в ее дискурсе употребляются и национально-прецедентные, и универсально-прецедентные феномены [23, с. 149]» (с. 13).

Автор приходит к выводу, что «... в дискурсе семьи как микросоциума функционируют все типы

прецедентных феноменов. Если типология их во всех семьях одина, то наполнение специфично. Думается, исчерпывающее (насколько это возможно) описание дискурса разных семей имеет определенный научный интерес, поскольку введет в обиход абсолютно новый материал. С другой стороны, такого рода исследования позволяют приблизиться к нашим корням, к вечным ценностям» (с. 15).

Очень важным, на наш взгляд, является понимание того, что именно семья воспитывает человека, в семье формируются ценности. Эту главную для всей работы мысль Л. П. Иванова иллюстрирует в том числе анализом любимых песен, в которых и вербализуются ценности семьи Ивановых: «У каждой семьи свои песни: кто-то больше любит народные, кто-то военные и т.п. Поскольку семья складывается из многих поколений, постольку и время появления песен различно. Таким образом, процесс формирования любимых песен семьи растягивается на десятилетия. В них отражается ментальное пространство народа, его нравственность» (с. 18).

Приведем описание детских впечатлений автора от двух песен (их варианты, записанные со старых фонограмм разных исполнителей, можно найти в песенниках): «Иногда отец в определенном настроении пел две песни, которые мы не пели, вероятно из-за возраста, но их ни от кого больше я не слышала: первая меня просто завораживала: *«Девушку из маленькой таверны Полюбил суровый капитан, Девушку с глазами дикой серны и с улыбкой гордой, как хрусталь. Полюбил за ... (не помню), алых губ нетронутый коралл»* (далее тоже провал в памяти). В те годы об импрессионизме мы не помышляли, но образы удивительной девушки и романтического капитана запали в душу.

Вторая песня – «Ты едешь пьяная и очень бледная, по темным улицам Махачкала»... После этой первой строчки мама возмущалась неприличию песни в присутствии детей, а я так и не узнала, куда и зачем ехала героиня» (с. 17).

Живой интерес вызывает прочтение страниц об артефактах семьи (полковые часы, которые спасла

мама, гурвишки (игрушки Николки и др.), домашних любимцах, так как наличие последних «очень важно в воспитании порядочного человека» (с. 48).

Л. П. Иванова отдельно останавливается на концепте толерантности. Восприятие мира, определенное данным понятием, является жизненно необходимым в наши дни, именно его анализ завершает монографию.

Описывая истоки толерантности в своей семье автор предлагает не традиционный подход с точки зрения экспликации концепта, его фреймовой структуры, а описание образа жизни, жизни-путешествия, обусловленного спецификой военной службы главы семьи – Иванова Петра Ивановича. Это путь, на котором все ситуации встречи и освоения нового – новое место жительства, новые люди, представители разных национальных культур – можно охарактеризовать как принятие: «В аспекте толерантности подчеркну, что в нашей семье было принято идти с открытым сердцем к представителям разных стран и народов, где бы мы ни жили» (с. 51).

Обратим внимание на дальнейшие перспективы в русле данного исследования, поскольку предложенная в работе модель описания может быть использована при характеристике других национальных микросоциумов: «иными будут наполнения прецедентных феноменов и сверхтекстов, но неизменно в каждой семье воспитание семейных ценностей как реализации национальных и общечеловеческих ценностей» (с. 57).

Хочется отметить, что материал, проанализированный с позиций лингвистики и представленный в монографии, вызвал резонанс среди участников различных филологических конференций. Немецкий издательский дом Palmarium Academic Publishing предложил автору сотрудничество, в результате которого в 2015 г. вышла в свет книга «Микросоциум в дискурсивном аспекте (воспитательный потенциал семьи)» – переработанное и дополненное Приложением и культурологическими комментариями издание, доступное европейскому читателю.

Л. П. ИВАНОВА,

*д-р филол. наук, проф. кафедры русского языка Института иностранной филологии
Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова*

ДИСКУРС СЕМЬИ В НАЦИОНАЛЬНОМ (РУССКОМ) МЕНТАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В русле современной антропоцентрической парадигмы проблемы национальной ментальности и культуры становятся особенно актуальными. Одной из недостаточно исследованных категорий когнитивной лингвистики является ментальное пространство (отметим, что Ю. С. Степанов говорит о пространстве мысли, что, на наш взгляд, не то же самое). Принято считать, что термин «ментальное пространство», синонимичный понятию «внутренний мир человека», был предложен в 1985 г. Ж. Фоконье¹.

Прежде чем дать характеристику ментальному пространству, определимся с составляющими его понятиями.

В. В. Колесов описывает становление понятия ментальность следующим образом: «Латинский корень *mens* (в родительном падеже *mentis*) сохранил много значений, метонимически растущих одно из другого по смежности смысла. Так оно, видимо, и происходило в движении мысли: 'рассудок' 'ум', но не 'разум', не 'мудрость' 'мышление' вообще, а значит, и 'образ мыслей', откуда уже 'настроение'

т. е. 'душевный склад', который и обозначен как 'душа'. Первый круг в развитии идеи завершен, и внутренняя форма слова (исходный образ) раскрылась в одном направлении². По мнению ученого, параллельно развивается идея волевой энергии мыслительной деятельности, воспринятая народами Западной Европы. В Восточной Европе победила первая ветвь – духовность.

Мы не ставим перед собой задачу осуществить детальный анализ всех точек зрения на понятие ментальности, поэтому принимаем наиболее широкое, обобщающее практически все мнения: «Ментальность – совокупность мыслительных процессов,

включающих построение особой картины мира»³. Или более конкретно: ментальность – «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях»⁴.

В интересующем нас аспекте основные единицы ментальности – концепты, ключевые слова культуры, прецедентные тексты и прецедентные имена, прецедентные события, функционирующие в дискурсе семьи, и само ментальное пространство данного микросоциума.

В последнее время концепты весьма активно изучаются представителями различных направлений языкознания, литература по данной проблематике исчисляется многими сотнями наименований. Мы не ставим перед собой невыполнимую задачу анализировать все точки зрения, а ограничимся перечислением, вслед за Н. Д. Арутюновой, Н. А. Аскольдовым, С. Г. Воркачевым, Е. С. Кубряковой, Ю. С. Степановым, основных свойств концепта: 1) свернутые знания человека о мире; 2) набор слов, которыми оперирует человек в процессе ментальной деятельности; 3) концепт – единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и этнокультурную специфику; 4) концепты – ментальные сущности, которые имеют имя в языке и отражают культурно-национальное представление человека о мире; 5) концепт несет в себе эмоциональную информацию и представляется словом или (в редких случаях) фразеологической единицей⁵.

Концепту соположено **ключевое слово культуры**. Эти слова, согласно мнению ученых (А. Вежбицкая, Е. Г. Ростова, О. Е. Фролова и др.), обладают сле-

дующими признаками: 1) известность и представленность в сознании носителей языка и культуры; 2) высокая смысловая нагруженность; 3) способность вызывать культурные ассоциации у носителей данного языка; 4) способность к переносному употреблению в речи; 5) А. Вежбицкая вводит еще один критерий – частотность^{6,7}.

Формальная единица культуры – текст. Как справедливо подчеркивал Л. Н. Мурзин, «культура “разлагается” на тексты, состоит из текстов, хотя качественно и не сводится к ним»⁸. Причем под текстом понимается не только вербальное произведение, но и артефакт (самовар, матрешка – для русских, юрта – для казахов и т.п.). В состав ментального пространства входит не всякий текст, а только прецедентный.

К числу **прецедентных текстов**, вслед за В. В. Красных, относим произведения художественной литературы («Евгений Онегин», «Война и мир»), тексты песен, рекламы, политические публицистические тексты и т.д.⁹.

Основные характеристики прецедентных текстов: 1) яркий национально-культурный колорит, хотя прецедентный текст может заимствоваться, становясь достоянием другой культуры или цивилизации вообще; 2) уровень культуры и образованности людей даже в рамках одного этноса может очень различаться, однако, подобно концепту, прецедентный текст остается таковым вне зависимости от того, известен он или не известен отдельным индивидам. Песни времён Великой Отечественной войны для нашего времени обладают прецедентностью.

Прецедентный текст связан с **прецедентным именем** – свернутым национально-культурным текстом, функционирующим как в рамках своей культуры, так и способным к переходу в другую культуру вследствие заимствования. Прецедентное имя, как и прецедентный текст, влечет за собой множество ассоциаций (см., например, словарь Е. С. Отина)¹⁰, оно способно к перекодировке различными видами искусства. Каждая культура обладает специфическим набором прецедентных имен, некоторые могут заимствоваться, функционируя в рамках той или иной цивилизации.

Последний конституент ментального простран-

ства – **прецедентное событие**. Это важнейшее событие в жизни народа, повлекшее за собой значительные последствия и получившее поэтому многочисленные интерпретации в различных видах искусства, например, Великая Отечественная война для советского народа.

Обратимся к ментальному пространству.

Пространство характеризует протяженность мира, его структурность. Пространство, как отмечают лингвисты (В. А. Маслова, Е. С. Яковлева, О. Н. Селиверстова и др.), многолико репрезентировано в языке, сознании, культуре, мифологии языковой личности.

В работе «Пространство и текст» В. Н. Топоров пишет о двух пониманиях пространства – по Ньютону и по Лейбницу. В первом случае пространство – «нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися»; во втором случае пространство – «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем субъектов, определяемое порядком существования»¹¹.

О.во, отображенное в языке, можно истолковать как нечто, в рамках чего может находиться объект (элемент) или иметь место действие или событие»¹².

Эту идею развивает Е. С. Яковлева: «...картина пространства в русском языковом сознании не сводима ни к какому физико-геометрическому прообразу: пространство не является простым вмещением объектов, а скорее наоборот – конституируется ими и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам»¹³.

Таким образом, для нас ментальное пространство – пространство, сориентированное категориями реального и художественного пространства – времени, и ограниченное вмещающими его концептами, ключевыми именами культуры (А. Вежбицкая), прецедентными текстами, именами, событиями (Л. П. Иванова, Л. Н. Мурзин, В. В. Красных).

Опираясь на сказанное, можно говорить о ментальном пространстве, проявляющемся, прежде всего, в художественных текстах. С другой стороны, поскольку оно связано с языковой картиной мира,

возможно изучение ментального пространства индивида – народа – цивилизации.

Последний аспект изучения ментального пространства позволяет рассматривать его как категорию динамическую, так как и человек, и народ, и цивилизация обязательно развиваются, изменяются, и это непременно скажется на ментальном пространстве.

Помимо объема, способна к изменению его конфигурация: не во всяком тексте упоминаются прецедентные события, персонажи не обязательно несут коннотативные имена, создающие ассоциации с прецедентными именами и т.п.

Собственным ментальным пространством обладает микросоциум – семья. Если будем опираться на концепцию инварианта/варианта В. М. Солнцева¹⁴, можно утверждать, что ментальное пространство того или иного народа – инвариант, воплощающийся во множестве вариантов – ментальном пространстве разных семей. У каждой из них есть общее, обусловленное национальными традициями, историей, местом проживания и мн. др., но есть и много оригинального, специфического, связанного с личностями членов семьи...

...Материалом для нашего исследования, как неоднократно упоминалось, послужила коммуникативная ситуация в семье Ивановых – типичной семье, о чем свидетельствует и самая распространенная в России фамилия.

Прецедентные имена включают в себя целую группу явлений:

Имена близких родственников и друзей (*тетя Маня, тетя Нина, дядя Володя*). Один из племянников был назван в честь деда – Петра Иванова, моя внучка – Зинаида, в честь прабабушки).

«Родовые» имена – любимые в семье и роду имена, которые часто воспроизводятся практически в каждом поколении (Николай, Лидия).

Уменьшительные имена, функционирующие в рамках семьи (Зинуля, Аллочка, Толик, Люка).

Семейные прозвища (Толька-полька, Алча-каланча).

Детские самономинации (Тепя от Петя, Кокоша от Коля).

Среди **прецедентных текстов** выделяем следующие: Песни, которые поются в хорошую и тяжелую минуту, во время застолий («Темная ночь» Н. Богословского, «Журавли» Р. Гамзатова и И. Френкеля и др.). Последнюю песню особенно любили, потому что в Махачкале жили с семьей Гамзатовых в одном доме, немного общались.

Частушки Петербурга времен папиной молодости.

Семейные предания, часть из них предназначалась старшим и носила преимущественно героический характер. Их любили слушать дети.

В качестве прецедентных текстов рассматриваем вещи, которые имеют свою историю и значимы для семьи (полковые часы, которые спасла мама, гурвишки (игрушки Николки и др.). Все эти тексты образуют свертхтекст.

К **прецедентным событиям** относим происшествия, преимущественно забавные, о которых к случаю с удовольствием рассказывают посторонним. Так, например, когда я родилась в Подольске, где жила стационарно наша семья, а отец учился в Москве в академии, бабушка отправила папе телеграмму с текстом: «Поздравляю четверг дочкой». На почте что-то перепутали, и отец получил телеграмму с текстом: «Поздравляю четыре дочки». Можно себе представить реакцию мужского коллектива бывших фронтовиков.

Прецедентная ситуация близка прецедентному событию, различие между ними, на наш взгляд, состоит в следующем: событие происходит один раз, рассказ о нем небольшой и законченный. Ситуация может повторяться, она, как правило, неожиданна, предполагает раздумья и успешный выход из нее.

Трехлетняя дочь спрашивает: «*Кто такой гр?*» *Мое абсолютное недоумение. Спрашиваю: «Когда и где ты его видела? Кто его так назвал?» (то есть пытаюсь выяснить ситуацию). Дочь отвечает: «Около магазина мы встретили черного дядю. Ты сказала про него не-гр. Кто тогда гр?»*.

Последний прецедентный феномен, функционирующий в дискурсе семьи, – **прецедентное высказывание**. Как правило, это смешная фраза малышей, вспоминаемая долгие годы, даже когда автор ее обзавелся своими детьми.

Например, маленький Николка собирается прочитать стихок собравшимся членам семьи и объявляет себя: «*Выступает атист Коя. Заслуженный с ног до головы*».

Таким образом, в дискурсе семьи как микросоциума функционируют все типы прецедентных феноменов. Если типология их во всех семьях одина,

то наполнение специфично. Думается, исчерпывающее (насколько это возможно) описание дискурса разных семей имеет определенный научный интерес, поскольку введет в обиход абсолютно новый материал. С другой стороны, такого рода исследования позволяют приблизиться к нашим корням, к вечным ценностям.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Fauconnier G.* Mental spaces. Cambridge, Mass: MJT Press, 1985.
2. *Колесов В. В.* Язык и ментальность. СПб, 2004. С. 11.
3. *Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика: Уч. пособие. Мн., 2004. С. 15.
4. *Колесов В. В.* Указ. соч. С. 15.
5. *Иванова Л. П.* Кавказ в русском языковом сознании XIX – XX столетий. К., 2004. С. 4.
6. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. С. 36;
7. *Иванова Л. П.* Указ. соч. С. 4.
8. *Мурзин Л. Н.* Язык, текст, культура // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994. С. 165.

9. *Красных В. В.* Этнолингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. М., 2002. С. 47–48.

10. *Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен. 3-е изд. перераб и доп. Донгек: Юго-Восток, 2010.

11. *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.

12. *Селиверстова О. Н.* Контрастивная синтаксическая семантика: опыт описания. М., 1989. С. 10.

13. *Яковлева Е. Г.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. С. 20 – 21.

14. *Солнцев В. М.* Язык как системно-структурное образование. М., Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1971.

В МИРЕ СЛОВ

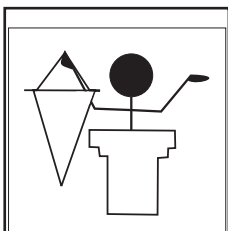
Все современные грамматические словари и справочники репрезентируют данные морфолого-фонематические варианты как нормативные равноправные формообразовательные варианты (через союз *и*), причем КВС *достичь* представлен в ТСиВНРЛЯ (с. 122), КСТРЯГФУ (с. 116), БГС (т. 1, с. 273) первым. В ССВ ГППР (Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М., 2004) (с. 276 – 277) отмечается, что для письменного литературного языка более частотным является суффиксальная форма глагола, а в разговорной речи предпочтительным является бессуффиксный короткий вариант.

Перспективы пролонгирования данных вариантов в современном языке следующие: 1) КВС *достичь* широко употребителен, КВС *достигнуть* достаточно употребителен; 2) оба варианта являются императивными; 3) не имеют территориальных ограничений; 4) вариант *достигнуть* имеет более книжный характер, вариант *достичь* характерен как для письменной, так и для устной речи; 5) оба формообразовательных варианта общеупотребительны в настоящее время; 6) находятся в сильной зоне; 7) суффиксальное формообразование в большей степени соответствует глаголам данного типа; 8) оба варианта находятся в аугментарной стадии конкуренции; 9) в данной паре продуктивным является вариант *достигнуть*; 10) оба КВС естественно и искусственно узуализированы; 11) если же исходить из тенденций динамики языковой системы и морфологической подсистемы в частности, то более перспективным представляется более короткий вариант *достичь* как более частотный и соответствующий активно действующему закону экономии языковых средств. Аналогичная картина наблюдается и при анализе определении перспектив пролонгирования у таких формообразовательных вариантов глаголов совершенного вида, как *настигнуть* – *настичь* и *застигнуть* – *застичь* с морфемами *-стиг(нуть)*.

Использование выделенных критериев потенциала параллельно существующих формальных вариантов различных типов дает возможность определить перспективы развития каждого из КВС вариантной пары (ряда) в эволюции языковой системы и, на основании этого, выявить основные тенденции динамики современной русской литературной нормы в процессе эволюции языковой системы на определенном временном этапе (первые два десятилетия XXI-го века).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цитируется по монографии: *Хруцкая Н. В.* Конкуренция сосуществующих вариантов языковых единиц в процессе эволюции литературной нормы (лингвопрогностический аспект). К.: Освита Украины, 2008. – 372 с.

ИТОГИ КОНКУРСОВ, КОНФЕРЕНЦИЙ, ВСТРЕЧ

М. М. ТЯГУНОВА,
к. филол. н., доц. (Киев)

III МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МИР ЯЗЫКА – МИР В ЯЗЫКЕ» (Г. КИЕВ, 20 – 30 ОКТЯБРЯ 2015 Г.)

20 – 30 октября 2015 г. на базе Института иностранной филологии Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова при поддержке Министерства образования и науки Украины, Института русистики Лодзинского университета (Польша), Украинско-американского гуманитарного института «Висконсинский международный университет (США) в Украине» и Института языковедения имени А. А. Потебни НАН Украины проходила III Международная научная конференция «Мир языка – мир в языке», посвящённая памяти доктора философских наук, профессора **В. И. Гончарова** (18.03.1952 – 18.05.2015).

Возглавил оргкомитет д. филос. н., проф., академик НАПН Украины, член-корр. НАН Украины, ректор НПУ имени М. П. Драгоманова **В. П. Адрущенко**. В состав оргкомитета вошли преподаватели НПУ имени М. П. Драгоманова: к. пед. н., директор Института иностранной филологии **А. А. Зернецкая**; д. филол. н., проф., зав. кафедрой русского языка **Ю. В. Кравцова**; д. филол. н., проф. **И. П. Зайцева**; д. филол. н., проф. **Л. П. Иванова**; к. пед. н., доц., зав. кафедрой романо-германской филологии **Л. С. Виничук** и др.

Участниками конференции выступили не только учёные Украины (Артёмовск, Днепропетровск, Дрогобыч, Киев, Харьков, Черновцы и др.), но и представители Австрии, Белоруссии, Грузии, Польши, России.

В первый день конференции было проведено пленарное заседание и работало 7 секций. На пленар-

ном заседании прозвучали доклады д. филол. н., проф., заместителя директора по научной работе Института языковедения имени А. А. Потебни НАН Украины **В. М. Брицына** (Украина, Киев); действительного члена НАПН Украины, д. филол. н., проф. **Л. И. Мацько** (Украина, Киев); к. филол. н., заместителя директора Института русистики Лодзинского университета **Агаты Пясецкой** (Польша, Лодзь); профессора славянского языковедения Института славистики Венского университета, Украинского свободного университета в Мюнхене и Католического университета имени П. Пазманя в Будапеште, Президента Международной ассоциации украинистов **Михаэля Мозера** (Австрия, Вена); д. филол. н., проф. кафедры общего и русского языковедения Витебского государственного университета **В. А. Масловой** (Республика Беларусь, Витебск); д. филол. н., проф. Тбилисского государственного университета имени Иванэ Джавахишвили **Н. А. Басилаи** (Грузия, Тбилисси) и др.

Оживлённую дискуссию вызвал доклад профессора славянского языковедения Института славистики Венского университета, Украинского свободного университета в Мюнхене и Католического университета имени П. Пазманя в Будапеште, Президента Международной ассоциации украинистов Михаэля Мозера «Суржик як мовне явище». Докладчик констатировал, что «суржика» «як такого не існує», просто он представляет собой «мовний хаос».

На секциях рассматривались вопросы: «Язык как когнитивный механизм. Лингвокогнитология. Лин-

гвоконцептология», «Язык как социокультурный феномен. Языковая личность в контексте этнокультуры. Социоллингвистика. Лингвокультурология», «Функционирование языка. Дискурсология. Лингвостилистика. Лингвопоэтика», «Динамические процессы в лексике и грамматике. Лингвисториграфия. Неология», «Когнитивная и лингвистическая семантика. Лингвометафорология», «Межкультурная коммуникация. Коммуникативистика. Сопоставительная лингвистика», «Прикладная лингвистика. Переводоведение. Терминоведение. Лингводидактика».

30 октября работал *круглый стол «Исторический и философский аспекты изучения языка»*, на котором звучали научные доклады (д. филол. н., проф. **Л. П. Ивановой** «Синтез наук и искусств как важная тенденция развития современного языкознания»; к. филол. н., доц. **О. В. Прискоки** «Внесок вчених XIX століття у формування історичної лексикології української мови»; к. филол. н., доц. **У. А. Карпенко** «Отображение универсального смысла индоевропейской праформы в современных языках») и доклады о жизни и научной и административной деятельности

проф. Владимира Ивановича Гончарова (к. филол. н., доц. **Т. В. Сливы** «Профессор Владимир Иванович Гончаров – учёный, педагог, руководитель»; к. филол. н., доц. **М. М. Тягуновой** «Светлой памяти Владимира Ивановича Гончарова»).

В дискуссии приняли участие студенты Института иностранной филологии, которые со скорбью произнесли тёплые слова в адрес безвременного ушедшего из жизни директора института Владимира Ивановича Гончарова.

Конференция прошла в спокойной дружественной атмосфере. Для участников были проведены экскурсии по Киеву и ознакомление с выставкой научных трудов проф. В. И. Гончарова.

Институт иностранной филологии выражает искреннюю благодарность за помощь в организации и проведении конференции профессору **Морицу Гунцингеру** (большому другу Украины, многие годы плодотворно работающему над укреплением и расширением дружбы и сотрудничества между Украиной и Германией в области образования и науки), оказанную им в память о друге и коллеге, профессоре Владимире Ивановиче Гончарове.

Л. П. ИВАНОВА,

д-р филол. наук, проф. кафедры русского языка Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова (г. Киев)

XVIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУСИСТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ» (Г. РИГА, 1 – 5 ОКТЯБРЯ 2015 Г.)

1 – 5 октября 2015 г. в Балтийской академии г. Рига прошла XVIII Международная научная конференция «Русистика и современность». Отметим, что конференция ежегодная, однако ее по очереди проводят учредители: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, Жешувский университет, на этот раз была очередь Риги.

Конференция была прекрасно организована как в научном, так и в бытовом плане. Устроители вели пе-

реписку с каждым из участников, были предложены оптимальные условия проживания (гостиница в 100 м от Академии), питания, высококвалифицированные гиды на экскурсии по Риге и совершенно сказочная поездка на пароме в Стокгольм.

В оргкомитет конференции вошли доктор филологии, проф. Э. Архангельская, доктор педагогики, проф. Л. Игнатьева, доктор филологии, проф. И. Кошкин. Секретарь – Н. Барановская (к сожалению, не могу привести отчетств этих уважаемых

людей, потому что они уже пишатся на европейский лад).

Конференцию открыл Председатель Сената Балтийской международной академии, ассоц. профессор **Станислав Анатольевич Бука**. Он, в частности, отметил, что носителями русского языка в Латвии являются порядка 40% населения, в соответствии с правилами Евросоюза, этот факт нельзя игнорировать, поэтому функционируют русские школы, а Академия стала центром обучения переводу, в том числе на русский и с русского.

В кулуарных разговорах выяснилось, что русофобия сейчас отошла в прошлое. Мы сами увидели множество афиш российских театров и артистов, в том числе и бывших украинских (И. Маменко из Одессы). В транспорте общаются на двух языках, на наши вопросы абсолютно спокойно отвечали по-русски.

На пленарном заседании выступили также члены почетного оргкомитета д. филол. н., проф. **И. П. Лысакова** (Санкт-Петербург) и д. филол. н., проф. **Е. Н. Степанов** (Одесса), а также **Н. В. Кулибина** (Россия), **М. Домбровска** (Польша), **М. ван Губерген** (Бельгия), **А. В. Козуляев** (Россия).

Особое наше внимание привлек последний доклад, посвященный аудиовизуальному переводу. Эта проблема особенно актуальна в условиях современной Украины, когда все массово, быстро и крайне некачественно переводится на украинский язык. Доклад назывался «Преподавание перевода фильмов и игр (аудиовизуального перевода) как одна из основ сохранения русского языка в сегодняшнем мире». В последний день конференции состоялся мастер-класс **А. В. Козуляева** «Обучение аудиовизуальному переводу – теоретические и методические основы». Переводческие отделения открыты во многих вузах Украины, сотрудничество с лабораторией А. В. Козуляева, на наш взгляд, было бы весьма полезно.

Все участники конференции были распределены на 8 секций: «Лингвокультурное взаимодействие и взаимовлияние в поликультурной среде», «Функционирование русского языка в синхронии и диахронии», «Balto-Slavica: межславянское и балто-славянское языковое взаимодействие», «Перевод как средство межкультурной коммуникации», «Русская литература и культура в контексте мирового гуманитарного про-

цесса», «Новые технологии в преподавании русского языка и русской литературы», «Русский язык как иностранный: состояние, проблемы, методика».

Не было никаких сбоев ни в помещениях, ни в организации работы секций. Они были компактны, потому возможно было обсудить все доклады, обменяться мнениями. Ни в процессе работы конференции ни после нее я не слышала ни одного замечания по поводу ее работы.

Особенно хочется остановиться на культурной программе. В первой половине дня 3 октября состоялась пешеходная экскурсия по старой Риге. К сожалению, не запомнила фамилии гида (это докторант Академии), но уровень его эрудиции, любовь к городу оставили самое благоприятное впечатление.

Во второй половине дня отправились в порт для поездки на пароме в Стокгольм.

Паром – 9-этажное сооружение с каютами для людей и животных, барами, магазинами, ресторанами, открытой палубой, отделениями для перевозки автомобилей, в общем – целый город. Было интересно просто смотреть в окно и наблюдать северные пейзажи и холодное море.

Около выхода с парома ждал экскурсионный автобус. 3 часа ездили, 2 часа ходили по центру Стокгольма с очень квалифицированным гидом (выпускница Санкт-Петербургского университета, много лет живет в Швеции, поэтому прекрасно понимает, что особенно интересно нам в этой стране). Впечатления незабываемые.

Все дни пребывания в Прибалтике была солнечная погода (все говорили о нехарактерности для этого времени года), что еще более усилило благоприятные впечатления.

Следующая конференция планируется в Польше. Надеюсь, что, опираясь на опыт предшественников, конференция тоже будет организована хорошо. Поэтому собираюсь со своими аспирантами и докторантами на очередную конференцию «Русистика и современность» и советую присоединиться коллегам.

Устроителям конференции в Риге, особенно Эмме Архангельской, приношу искреннюю и глубокую благодарность за одно из самых интересных и приятных событий в жизни.